Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 233 (6119). | 24 августа 1934 г., пятница. | ЦЕНА 10 КОП.

Вчера на с'езде писателей единодушно одобрена деятельность оргкомитета союза советских писателей. С'езд отметил выдающуюся роль великого пролетарского писателя МАКСИМА ГОРЬКОГО в создании союза писателей.

Художественная литература народов Советского Союза под руководством большевистской партии во главе с товарищем СТАЛИНЫМ выросла в могучую силу социалистической культуры и воспитания трудящихся масс в духе социализма.

С'ЕЗД ЕДИНСТВА И СПЛОЧЕННОСТИ ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА—СТАЛИНА.

Первый этап работы всесоюзного с'езда советских писателей закончен — заслушаны и обсуждены доклад **А. М. Горького** с содокладом о детской литературе и доклады о литературе Украинской, Белорусской, Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Татарской, Узбекской, Туркменской и Таджикской республик.

Этот этап работы с'езда важен и значителен не только тем, что с большой *серьезностью, ответственностью и глубиной* были поставлены коренные вопросы советской литературы. Замечательной особенностью первых дней с'езда была насыщенность их величайшим пафосом единства и сплочения передовых художников всех народов нашей страны на базе совместной борьбы за дело рабочего класса, за нашу любимую родину и беспощадный разгром всех ее врагов.

Необ'ятны задачи этой борьбы, и немало трудностей предстоит одолеть всему фронту социалистической культуры. Но порукой успешного преодоления всех трудностей служат славный путь, пройденный нашей всесоюзной литературой, и тот высокий пафос сплочения, прозвучавший на с'езде в десятках речей писателей всех народов, в приветствиях заводов, колхозов, частей Красной Армии, пионерских отрядов и научных учреждений. Устами седого народного певца-ашуга, словами зрелого мастера литературы, приветствиями начинающего рабочего и колхозного автора говорила с трибуны с'езда молодость нашего века, сила нашего класса, бодрость и жизнерадостность нашей эпохи.

Новая культура социализма заговорила могучим голосом в докладе Горького. А доклады национальных республик, блестяще разработавшие вопросы освоения классического наследства, положившие прекрасное начало широкого обмена творческим опытом каждой литературы, прозвучали, как клич боевого интернационализма, идейного единства и неразрывной творческой связи писателей всех национальностей.

Был на с'езде день, героями которого являлись советские дети. Специальный доклад о литературе для детей и та горячая, радостная связь, которая сразу возникла между писательской аудиторией и ораторами пионерских отрядов, — разве нужны бо́льшие доказательства того, что литература наша понимает свою роль в воспитании миллионов новых молодых бойцов за социализм?

Принятая с'ездом и публикуемая сегодня резолюция по заслушанным докладам констатирует, что в результате побед социализма и разгрома классовых врагов пролетариата и трудящихся масс наша литература выросла в могучую силу социалистической культуры. Первые дни с'езда показали, что эта сила под мудрым руководством партии и товарища **Сталина** направлена на *служение исторической цели воспитания трудящихся масс в духе коммунизма.* Единодушно и дружно присоединился писательский с'езд к мысли тов. **Жданова** о великой ведущей тенденции нашей литературы — тенденции экономического, политического и морального освобождения трудящихся всего мира.

Это единство цели, глубоко и кровно осознанное писателями нашей страны, подчеркивает огромное значение с'езда **как демонстрации преданности широких масс советской интеллигенции идеям социализма, как свидетельства побед генеральной линии партии.** Идейно, организационно и творчески союз советских писателей, мастеров культуры нашей страны, сплочен вокруг партии и советской власти.

Таким образом решена задача, поставленная Центральным Комитетом партии перед оргкомитетом союза советских писателей,—организовать единый союз и подготовить первый с'езд советских писателей. Резолюция с'езда, одобряющая деятельность оргкомитета, особо отмечает выдающуюся роль А. М. Горького в деле создания союза писателей и подготовки с'езда. Статьи и выступления великого пролетарского писателя, бесстрашно вскрывающие недостатки нашей литературы, радостно отмечающие ее победы, имели огромное значение для укрепления рядов союза и борьбы за качество писательского труда.

Горячая и плодотворная творческая дискуссия, развернувшаяся в прениях по докладам на большой принципиальной высоте, дала много материала для будущей работы руководящих органов союза. Предлагая правлению союза незамедлительно разработать на основе докладов и обмена мнений практические меры содействия писателям *в их творческой работе, с'езд особо* подчеркнул задачу помощи молодым начинающим писателям и укрепления связи писателей с массами. Это — важнейшая предпосылка дальнейшего роста и под'ема во всех областях литературы.

Без тесной и неразрывной связи писателей с широкими трудящимися массами, с народом нашей страны, с его жизнью и борьбой, без помощи новым писателям из народа нет и не может быть движения литературы вперед. Здесь, среди народных масс, в постоянном общении с ними писатель обретает истинное знание жизни, огромный опыт, необходимый ему, как воспитателю людей нашего времени в духе коммунизма. Помноженный на философскую зрелость мысли и знание истории человеческой культуры, одухотворенный талантом художника, этот опыт становится той великой сокровищницей, из которой черпает писатель идеи и образы для величественных произведений искусства, способных остаться в веках.

Пройден первый этап с'езда. Он показал колоссальный политический рост советских писателей и идейную мощь их коммунистического ядра. Советский писатель шагает *в ногу с рабочим классом, нашей партией под победным знаменем* **Ленина—Сталина.**

СОЗДАДИМ ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННЫЕ, ПРОНИКНУТЫЕ ДУХОМ СОЦИАЛИЗМА ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

1-й всесоюзный с'езд советских писателей, заслушав и обсудив доклад **А. М. Горького** о советской литературе, содоклады о литературах **Украинской ССР, Белорусской ССР, Грузинской ССР, Армянской ССР, Азербайджанской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР, Узбекской ССР и Татарской АССР** и содоклад о детской литературе, констатирует, что советская художественная литература народов Советского Союза в результате победоносного социалистического строительства и разгрома классовых врагов пролетариата и трудящихся СССР выросла в могучую силу социалистической культуры и воспитания трудящихся масс в духе социализма. Под руководством героической ВКП(б) во главе с товарищем **Сталиным** и благодаря повседневной помощи партии, писатели всех народов СССР пришли на свой первый с'езд, как коллектив, идейно, организационно и творчески сплоченный вокруг партии и советской власти в едином союзе советских писателей.

С'езд одобряет деятельность Оргкомитета союза советских писателей, осуществившего задачу об'единения советских писателей в союз советских писателей и обеспечившего подготовку их первого с'езда.

С'езд отмечает выдающуюся роль в этом деле великого пролетарского писателя Максима Горького.

С'езд поручает руководящим органам союза советских писателей, учтя доклады и обмен мнений на с'езде, незамедлительно разработать практические меры содействия советским писателям в их творческой работе, помощи молодым начинающим советским писателям и укрепления связи писателей с трудящимися массами с тем, чтобы вся деятельность союза советских писателей обеспечила дальнейший под'ем творческой работы во всех областях советской литературы и создание высокохудожественных, проникнутых духом социализма произведений искусства.

Встреча советских и иностранных писателей у А. М. ГОРЬКОГО.

Большевистская воинственность.

НА С'ЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ.

Писатель! Профессия эта, казалось бы, самая мирная, не имеющая ничего общего с военным делом. Но если прослушать речи, произносимые писателями на своем с'езде, то легко установить единое, характерное для всех: **воинственность!**

На с'езде 65 процентов коммунистов и комсомольцев. Но, слушая речи беспартийных советских писателей, не видишь разницы в духе, силе и принципиальности высказываний. Горячая речь **Вс. Вишневского,** произнесенная с фронтовым пафосом, словно перед боевой частью, готовой ринуться на врага, и речь **Бабеля,** нашедшего какие-то особые, теплые и доходчивые слова для выражения единства чувств с'езда и чувств всей страны, — они в равной степени сильны своей большевистской воинственностью. Беспартийный Бабель говорил о физической радости, какую испытывает советский человек и он, Бабель, при виде строящегося здания социализма. Он говорил о борьбе против пошлости в литературе, против измельчания характеров, против казенных слов, недостойных художника, о борьбе за создание и победу большевистского литературного вкуса у советского читателя, у нового человека, создающего новый мир. Бабель призвал писателей работать над словом так, как работает над ним **Сталин,** ибо великолепный советский читатель ждет от своего художника великолепного качества. Тысячи рук тянутся к художнику, и художник должен дать своему читателю не камень, а теплый хлеб подлинного искусства. Бабель говорил о хороших словах, нужных художнику, о работе над языком для того, чтобы лучше разить врага, лучше выполнять свою социальную, классовую миссию.

Вс. Вишневский говорил иными словами и как будто бы о другом: об оборонной литературе, об изучении наших возможных противников, о показе Красной Армии и Флота. Но и Бабель, и Вишневский говорили **об одном—о борьбе за социализм, о победе социализма.**

Бруно Ясенский в своем выступлении сказал так:

— **Быть советским писателем—это значит словом, доведенным до накала пламенем коммунизма, переделывать мир!**

Бруно Ясенскому откликнулся французский писатель **Андрэ Мальро,** приветствовавший с'езд горячей речью. Он говорил о счастливом уделе советского писателя.

Зарубежные революционные писатели видят в нынешней советской литературе свое грядущее **завтра. Советские писатели** увидели в Андрэ Мальро свое победоносно пройденное **вчера** и потому чествовали его как собрата и друга.

В своем приветствии наркому обороны, принятом два дня назад, с'езд написал:

— **Писатели СССР заявляют, что страна и армия получат на вооружение новые образцы литературы.**

«Инженеры человеческих душ» знают, что в этом вооружении нуждаются многомиллионные массы. И потому писатели говорили о «мудрой простоте в художественной литературе, простоте, которая поведет за книгами миллионы» (**Ф. Панферов**), о радости творчества, о дерзании, о смелости, о новом великом под'еме советской литературы, начало которому кладет с'езд.

Словами поэта Владимира Маяковского можно было бы охарактеризовать общее настроение делегатов:

«Наше оружие—
Наши песни.
Наше золото —
Звенящие голоса».

Писатели страны Советов высоко подняли над головами свое оружие, готовые итти в бой за новое человечество, за радостную жизнь—за социализм.

* * *

На утреннем заседании 23 августа председательствовал тов. **Фадеев.** В прениях выступили товарищи: **Джансугуров** (Казакстан), **Авдеенко, Золотов** (Чувашская АССР), **Накоряков** (директор Государственного издательства художественной литературы), **Кириленко** (Украина), **Шабанов** (Дальневосточный край), **Барто, Чесноков** (Мордовия), **В. Герасимова, П. Романов** и **Луппол.**

С'езд приветствовали: тов. **Феликс Кон**— от Общества б. политкаторжан и профессор-транспортник тов. **Образцов.**

Вечернее заседание 23 августа открылось под председательством т. **Симоняна** (Армения). В прениях выступили тт. **М. Лыньков** (БССР), **Г. Лелевич** (Дагестан), **Забило** (Украина), **Д. Бергельсон** (еврейский писатель), **И. Беспалов, Ф. Панферов, Б. Ясенский, И. Бабель, А. Аросев, П. Яшвили, В. Вишневский, Андрэ Мальро, Ю. Либединский.**

С'езд приветствовала делегация окуловских бумажников.

В заключение была принята резолюция по докладам, зачитанная тов. **Шолоховым.** Заключительных слов не было. **А. М. Горький** *оставил за собой право, как председатель,* выступить в конце с'езда.

СООБЩЕНИЕ «НИЦИ-НИЦИ» ОБ ИЗВИНЕНИИ МАНЧЖУРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ТОКИО, 23 августа. (ТАСС). Ссылаясь на сведения из министерства иностранных дел, **«Ници-ници»** пишет, что манчжурское правительство принесло формальные извинения СССР в связи с недостойным поведением манчжурского полицейского по отношению к т. **Славуцкому.** «Ници-ници» добавляет, что признанный виновным манчжурский полицейский уволен из полиции.

* * *

По наведенным ТАСС справкам, в осведомленных московских кругах об извинении, якобы принесенном манчжурским правительством, ничего не известно. Что касается увольнения полицейского, то о нем было сообщено в телеграмме ТАСС из Бейпина от 18 августа с. г.

О республиканских и местных органах Народного Комиссариата Внутренней Торговли.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

В развитие постановления ЦИК и СНК СССР от 29 июля 1934 г. «О разделении Народного Комиссариата Снабжения Союза ССР на два самостоятельных народных комиссариата: Народный Комиссариат Внутренней Торговли Союза ССР и Народный Комиссариат Пищевой Промышленности Союза ССР» (Собр. Зак. СССР 1934 г., № 40, ст. 313),—Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР **постановляют:**

Предложить Центральным Исполнительным комитетам союзных республик:

1. Организовать:

а) в союзных и автономных республиках—народные комиссариаты внутренней торговли;

б) в краях и областях—краевые и областные отделы внутренней торговли;

в) в городах и районах—городские и районные отделы внутренней торговли, а в районах с небольшим товарооборотом — институт районных инспекторов по внутренней торговле.

2. Аппарат краевых и областных отделов снабжения передать в основном краевым и областным отделам внутренней торговли. Весь аппарат районных органов снабжения передать целиком районным органам внутренней торговли.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР
В. МОЛОТОВ.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
А. ЕНУКИДЗЕ.

Москва, Кремль.
23 августа 1934 г.

СООБЩЕНИЕ ТАСС.

НОТА ПОЛПРЕДА СССР В ТОКИО МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ХИРОТА.

22 августа Полномочный Представитель СССР в Токио т. **К. К. Юренев** послал Министру Иностранных Дел г. **Хирота** следующую ноту:

Г. Министр.

13—14 августа на восточной линии КВЖД арестовано **19** советских граждан служащих КВЖД, главным образом, руководящих ее работников, а именно: начальник 3-го участка службы тяги, начальники 9 и 11 участков службы пути, начальник 3 участка службы телеграфа, начальники крупнейших станций: **Имяньпо, Хайлин, Пограничная, Мадаоши,** ряд телеграфистов и др. 16 августа арестовано еще 3 человека, в том числе находившийся на станции Имяньпо начальник грузового отдела службы эксплоатации КВЖД и начальник станции **Тайпинлин.**

Эти аресты фактически лишили восточную линию КВЖД ее руководящего состава и чрезвычайно затруднили дальнейшую деятельность линии, которая, вопреки всем затруднениям, чинимым местными властями, и несмотря на отсутствие надлежащей охраны, продолжает функционировать, только благодаря героическим усилиям служащих дороги и, в первую очередь, советских граждан.

Чтобы оправдать эти незаконные и беспричинные аресты советских служащих, измышляются нелепые обвинения в том, что они, якобы, организовали нападения на японские военные миссии, нападения хунхузов на поезда, устраивали крушения поездов, производили грабежи и убийства и уводили в плен служащих дороги и членов их семейств и т. д.

Эти до очевидности беспочвенные обвинения официально поддерживаются японским военным министерством и представителями министерства иностранных дел.

Не ограничиваясь арестами работников КВЖД и нелепыми обвинениями по их адресу, японо-манчжурские власти выдвигают те же обвинения против официальных учреждений и представителей Советского Союза в Манчжурии, а именно — против советского консульства и самого консула на ст. Пограничная, а также против командования ОКДВА.

Советское правительство рассматривает все эти действия, совпавшие с фактическим срывом японо-манчжурской стороной токийских переговоров о продаже КВЖД, как внесение дезорганизации в работу дороги и как грубое нарушение договорных прав СССР на КВЖД.

Советское правительство особо указывает на то, что японское военное министерство в официальном коммюнике от 17 августа позволило себе неслыханное утверждение, что «приказы о производстве крушений и нападений издаются ОКДВА», которой японским военным министерством приписывается руководство бандитскими отрядами на КВЖД через какой-то, в действительности не существующий, орган советских служащих КВЖД.

Эти свои утверждения военное министерство сопровождает заявлениями агрессивного характера по адресу СССР.

Японское правительство не может не понимать, что подобные, участившиеся за последнее время, выступления японского военного министерства, на ряду с указанными выше действиями в Манчжурии, свидетельствуют об обострении агрессивных намерений некоторых официальных японских кругов.

Советское правительство, считая ответственными за указанные действия манчжурские власти и японское правительство, поручило мне, господин Министр, заявить Вам свой протест. Правительство СССР рассчитывает, что японское правительство сделает все соответствующие выводы.

Примите, господин Министр, и проч.

Список арестованных советских служащих КВЖД.

БЕЙПИН, 21 августа. (ТАСС). По сообщению из Харбина, арестованы следующие советские граждане:

1. **Пятых**—начальник станции Имяньпо.
2. **Киринов** — телеграфист станции Имяньпо.
3. **Николаев** — начальник девятого участка пути.
4. **Колладий** — начальник одиннадцатого участка пути.
5. **Злотин** — надсмотрщик телеграфа.
6. **Пауль** — начальник станции Мадаоши.
7. **Краев** — начальник станции Хайлин.
8. **Кудиенко** — начальник третьего участка телеграфа.
9. **Юренко** — телеграфист ст. Пограничная.
10. **Назарчук** — телеграфист ст. Пограничная.
11. **Панечкин** — рабочий - телеграфист ст. Ханьдаохецзы.
12. **Мильгуй** — телеграфист ст. Мулинь.
13. **Лебедев** — письмоводитель десятого участка пути.
14. **Федченко** — дорожный мастер ст. Даймагоу.
15. **Ковальский** — ремонтный рабочий ст. Даймагоу.
16. **Овчинников** — рабочий ст. Хайлин.
17. **Соколов** — кассир коммерческого агентства ст. Сочинцзы.
18. **Михайлов** — начальник станции Тайпинлин.
19. **Останин** — начальник грузового отдела службы эксплоатации.
20. **Черный** — дежурный по станции Пограничная.
21. **Мельник** — табельщик девятого околотка городского участка пути в Харбине.
22. **Постова** — конторщица депо ст. Харбин.
23. **Перелыгина** — помощник делопроизводителя Ревизионного комитета КВЖД.
24. **Перелыгин** — смотритель Земельного отдела управления КВЖД.
25. **Цуиннов** — служащий коммерческой части
26. **Мординова** — служащая Материального склада.
27. **Бондаренко** — техническая работница второй школы.
28. **Ежов** — конторщик коммерческой службы Управления.
29. **Калашникова** — домохозяйка.
30. **Глушков** — счетовод четвертого отдела ДНИ.
31. **Лобанов** — лаборант Политехнического института.
32. **Беляев** — конторщик сл. тяги.
33. **Юсупов** — смотритель зданий городского участка сл. пути.
34. **Венч** — счетовод Материальной службы
35. **Вови** — сотрудник службы Общих Дел.

Фашистская гувернантка инструктирует Варшаву.

БЕРЛИН, 23 августа. (ТАСС). Останавливаясь на ожидаемом в ближайшее время решении Польши об отношении ее к «восточному пакту», варшавский корреспондент **«Фелькишер беобахтер»** пишет: «При нынешнем положении вещей в Варшаве Польша не примет окончательного и ясного решения. На безоговорочный отказ со стороны Польши нельзя рассчитывать, но еще меньше можно рассчитывать на ясное и недвусмысленное согласие Польши на пакт. Основная идея восточного пакта не будет отвергнута Польшей, но варшавское министерство иностранных дел сделает ряд оговорок, которые практически, может быть, будут весьма близки к отклонению пакта».

Указывая далее, что окончательная формулировка польской позиции будет зависеть от предстоящей конференции прибалтийских государств, «Фелькишер беобахтер» пишет: «Конференция балтийских государств вызывает в Польше большой интерес. В ближайшие дни должно выясниться, достаточно ли сильны рычаги, приведенные польской внешней политикой в действие в Прибалтике, для того, чтобы оттеснить влияние СССР настолько, чтобы оно не было больше опасным для польских планов на северо-востоке».

* * *

Тон, который усвоил себе варшавский корреспондент «Фелькишер беобахтер», тон инструктирующей гувернантки, как-то плохо вяжется с неоднократными утверждениями варшавской печати о независимости польской политики.

Характерно, что когда мировая печать призывает Польшу принять участие в общей борьбе за мир, за укрепление безопасности в Европе путем присоединения к восточному пакту, эти советы встречаются Варшавой в штыки. Немедленно газеты выдвигают *серию аргументов о самостоятельности,* независимости польской политики и т. п.

Между тем, без всяких возражений со стороны польских газет германская печать приобрела за последнее время привычку говорить за Польшу и выступать с раз'яснениями польской позиции в отношении восточного пакта.

Хозяйский тон варшавского корреспондента «Фелькишер беобахтер» все же не может не вызвать изумления. Его комментарии о позиции Польши по отношению к восточному пакту можно расценивать либо как свидетельство исключительной осведомленности, либо как «совет», сильно напоминающий директиву. В самом деле, как иначе можно об'яснить то, что варшавский корреспондент органа Розенберга осведомлен так детально не только об общей позиции Польши, но и о стратегических мероприятиях, которые, по его словам, предпринимает польское министерство иностранных дел?

Германскому фашизму безусловно выгоден был бы отказ Польши от участия в восточном пакте. Если бы Польша послушалась *берлинских советов, она последовала* бы за Германией по пути к внешнеполитической изоляции. Другое дело, выгодно ли это для Польши.

Сторонникам подобной ориентации в Польше не мешало бы также вспомнить о захватнических планах Альфреда Розенберга, варшавский представитель которого так храбро говорит от имени польского министерства иностранных дел.

Возникает вопрос, скоро ли, наконец, руководящие польские круги оценят по достоинству подозрительные хлопоты и советы фашистской гувернантки из Берлина.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА БЕЛОРУССИИ.

Доклад председателя союза советских писателей Белоруссии тов. Климковича на всесоюзном с'езде писателей.

Белорусская советская литература—часть союзной литературы, ибо она создавалась, росла и крепла в тесном единении с литературами братских республик, пользуясь **их опытом и внося свою долю творческого** опыта в общее дело создания социалистической литературы Советского Союза. Единение всех братских литератур Советского Союза особенно возросло в последнее время. Об **этом свидетельствует** в частности постановка **докладов о литературах** республик на с'езде. Об этом свидетельствуют выпуск ряда переводов украинских, **белорусских, грузинских и др. писателей** и обмен делегациями для участия в республиканских и областных с'ездах.

Вот почему мы, докладчики о **литературе народов СССР, считаем, что литература народов СССР**, во-первых, **знакома многим делегатам нашего с'езда, во-вторых, это есть свое, родное, всесоюзное для всех делегатов, для всех писателей.**

Чем **была Белоруссия** до Октября? Что представляет она собою сейчас, после 16 лет героической **борьбы и огромного** строительства? Об **этом вы можете** составить себе понятие по ряду **произведений** наших белорусских писателей. Возьмем поэму народного поэта республики **Янки Купалы** «Над рекой Аресой». В ней, говоря о Белорусском Полесье, он дает нам картину огромного **девственного болота.**

Человек проникает **туда только на утлом**, гробоподобном челноке, **который скользит** по грязи бездонной **трясины. Этот человек даже** человеком себя не считает: **«Полещуки мы, а не человеки», — говорит он о себе:**

> «Живут в курных хатках,
> Подплетая лапти,
> Чтобы с сумой в заплатках
> Итти побираться».

Конечно, **не вся** Белоруссия **была такой**. Была Белоруссия хуторская, кулацкая. **Была** Белоруссия **помещичья** — помещикам принадлежало свыше 50 проц. **всех земель. Было около** 23 тысяч пролетариев, **которые** боролись за свое национальное, социальное и экономическое освобождение **под руководством своей** большевистской партии. **Но было** и описанное **Янкой Купалой огромное Полесье**, была нищета **основных масс деревни, было** 20 тыс. батраков, был 80 проц. неграмотного населения, была соха как основное орудие **производства.**

Октябрьская революция, освободив все нации бывшей царской России, создала великий **Союз Советских Социалистических Республик. Советская Белоруссия**, которая перенесла **две оккупации**—немецкую и белопольскую, вконец разорившие ее хозяйство, не только восстановила народное хозяйство, но **и создала** новую крупную социалистическую промышленность, **в десять** раз превышающую продукцию промышленности 1913 года. Создала Академию наук и 32 научных исследовательских института, 19 вузов, 81 техникум, ликвидировала неграмотность среди взрослого населения **и охватила около миллиона детей начальной** и **семилетней школой, завершив на два года** раньше, чем во всех остальных республиках, проведение **обязательного** всеобщего обучения.

Огромный **рост** экономики и культуры, достигнутый трудящимися советской Белоруссии, был **фундаментом и источником** роста советской **белорусской литературы.**

Вся дооктябрьская белорусская литература едва ли насчитывает десяток писателей.

В борьбе против буржуазного национализма.

Характерной особенностью дооктябрьской белорусской **литературы** было националистическое **оплакивание** тяжелой доли белорусса-крестьянина, **задавленного** нищетой, малоземельем, помещичьей эксплуатацией и поборами царских чиновников. Особенно крепко звучали националистические ноты в литературе периода **реакции**—после 1907 года. Даже лучшие из писателей, **дожившие до нашего времени, — Купала, Колас, Гартный,** протестуя в своих произведениях в годы революционного под'ема *против национального*, *а порой и социального* угнетения, — **не поднимались до понимания роли и места национально-освободительного движения в борьбе пролетариата за власть, не видели рабочего класса и его борьбы с царизмом.**

Националистическая **линия в литературе продолжалась** (в **новых** замаскированных **формах) и** после Октябрьской революции. Партии пришлось провести огромную работу по разоблачению **и разгрому** национал-демократов **и их** подрывной контрреволюционной, интервенционистской деятельности. **В этой борьбе КП(б)Б активно** помогали молодые писательские кадры **(Чарот, Александрович, Лыньков** и др.), об'единенные сначала в «Молодняке», а затем в БелАПП.

Приведу **два** примера из истории борьбы против **националистов** в **литературе**, борьбы, которую вели под руководством партии пролетарские кадры писателей.

Основоположник белорусской пролетарской поэзии Михась Чарот в первой своей поэме «Босые на вогнішчы» (1922 г.) дал высокохудожественную картину: над озером, каких немало в Полесье, разыгралась буря. Стонет лес на берегу озера, осатанело носится вихрь. Под дикие звуки подобной музыки в таком же диком хороводе несутся лешие и русалки, а вдали гремят **пушки** наступающей Красной Армии. Шум вихря и грохот канонады заставляют подняться со дна озера князя:

> «Не дали спать: война, огонь,
> Страна его — одни руины.
> Под ним стоять не хочет конь,
> И кличет князь свою дружину».

Внезапно утихла буря, и в мертвой тишине **князь слышит хохот русалок:** дружина погибла в озере тысячу лет назад вместе с князем и вряд ли может чем-нибудь помочь князю.

> **«А где ж послушный мне народ?
> Он в бой пойдет по воле княжей.**
> И слышит шум кровавых вод
> — Народ твой сам над краем княжит».

Ничего не оставалось князю, как опуститься опять на дно, где он провел тысячелетия. В *образе средневекового* **князя на фоне дикой природы** — **излюбленного орнамента националистической литературы — тов. Чарот показал центральную фигуру этой литературы средневекового витязя — «собирателя Белоруссии»**, прообраз **«возрожденной** Белоруссии». **Он поднял эту фигуру для того, чтобы показать, как абсолютно чужда восставшему пролетариату националистическая литература с ее** романтизацией болот **и** озер, русалок и леших.

Вскрывая **литературную** ширму националистической контрреволюции, белорусская пролетарская поэзия устами Чарота не только заявила о своем существовании, но и о том, что вступает в смертельный бой с **националистической литературой.**

Еще большее бешенство националистов вызвал второй пролетарский поэт **Андрей Александрович,** направив в лагерь врага поэму «Тени на солнце» (1926 г.), **в которой** вывел портреты нацдемовских «деятелей» настолько удачно и красочно, **что не только сами нацдемы узнавали себя**, как в зеркале, но их узнавала в поэме широкая пролетарская общественность.

Эти два штриха из жизни нашей литературы уже указывают на то обстоятельство, что рождение белорусской советской пролетарской литературы происходило в жестокой классовой борьбе против националистов и их литературных об'единений, как «Полымя», «Узвышша», которые по существу являлись литературными **ячейками** националистической организации.

Нет нужды говорить о белапповском периоде литературы: его положительные и теневые стороны были общими для всех воапповских организаций. Однако и созданный после постановления ЦК ВКП(б) **от 23 апреля 1932 г.** оргкомитет единого писательского союза БССР не сумел вовремя ориентироваться в сложной обстановке **классовой борьбы на литературном** фронте, **допустив гнилой** либерализм в отношении националистических элементов. В свое время ЦК ВКП(б) и «Правда» *правильно вскрыли новую тактику классового* врага — прикрывание фальшиво-национальным флагом, — поправляя и помогая КП(б)Б и ее ЦК и писательским организациям повести решительную борьбу против националистов, вскрыть и выбросить их из рядов писательской организации, мобилизовав всю писательскую общественность на борьбу за пролетарский интернационализм.

Белорусская делегация на с'езде писателей.

Расцвет национальной культуры.

Первый всебелорусский с'езд писателей подвел итоги достижений за 15 лет советской белорусской литературы и литератур народов, населяющих БССР. Эти достижения, как один из показателей расцвета и торжества национальной культуры советской Белоруссии, действительно огромны.

Советская белорусская литература воспитала таких писателей, **как Михась Чарот,** боевое художественное слово которого доходило до самого глухого уголка советской Белоруссии, по заслугам создавая ему славу любимого поэта масс.

Она вырастила поэта-коммуниста Андрея Александровича, о котором знает не только советская Белоруссия, о котором знают, которого читают трудящиеся братских республик. Его стихи, как и стихи нашего еврейского пролетарского поэта **Харика,** переведены на десятки языков и печатаются не только у нас, но за границей Советского Союза. Она воспитала драматурга **Кобеца,** чья пьеса «Гута» пользовалась заслуженным успехом и в СССР, и за границей (Прага), драматурга **Романовича**—автора пьесы «Мост» и **Курдина**—автора пьес «Междубурье» и «Контратака».

Она вырастила и воспитала крепких прозаиков—**М. Лынькова, П. Головача,** которые в последние годы с успехом разрешают проблему создания исторического романа. Последние два года были годами бурного роста советской белорусской литературы.

В эти годы наши театры впервые получили ряд ценных пьес: **«Бацьковщина»**—Кузьмы Черного, **«Напор»**—Александровича, **«Конец дружбы»**—Крапивы. В эти годы были созданы лучшие романы и повести: **«Тридцать лет»**—К. Черного, **«Дрыгва»**—Якуба Коласа, **«На чырвоных лядах»**—Лынькова, **«Зельманяне»**—Кульбака и др. И все же наши успехи, хотя они и велики, не могут удовлетворить возрастающих требований к литературе. Белорусская советская литература, как и вся литература Советского Союза, все еще отстает от темпов и размаха всего социалистического строительства.

Основным достижением нашего литературного движения мы совершенно справедливо считаем ту значительную очистку от националистических элементов, которую мы провели под руководством КП(б)Б и ее ЦК. Эта очистка дала нам возможность развить и углубить борьбу против буржуазно-националистической идеологии в литературе, борьбу за боевой пролетарский интернационализм. Основная цель, которую преследовали нацдемы,—свержение Советов, **отрыв** Белоруссии от Советского Союза, реставрация капитализма, в том числе **и путем прямой интервенции с Запада. Литература** в этом плане рассматривалась **как идеологическая** подготовка, более **или менее** замаскированная в зависимости от обстоятельств. По мнению нацдемов, белорусская литература должна быть исключительно деревенской по тематике и **ограничивать** действия произведений этнографическими рамками Белоруссии. **Только идя этим** путем,—говорили нацдемы,—белорусская литература **может войти в мировую литературу.** Все эти **«идейки»** создавали порочный круг, который **фактически снижал** белорусскую литературу до положения узко-провинциальной, **сугубо-националистической, враждебной революции. Белорусская** литература **не пошла по этому пути и**, разгромив националистов, приходит к всесоюзному **с'езду как мощный отряд единой всесоюзной литературы с глубоким** интернациональным **содержанием.**

Конечно, не все остатки национализма целиком и полностью выкорчеваны (их питают **еще недобитки** классовых врагов внутри страны и национал-фашисты Западной Белоруссии), но та воспитательная работа, которая проведена за последние годы, разоблачение истинного классового лица националистов, рыцарей кнута, виселицы и интервенции, содействовали решительному отходу от национализма крупнейших мастеров художественного слова (Купала, Колас, Бядуля, Гартный, Зарецкий и др.) и переходу их на позиции активного служения социалистическому строительству. Этот переход, эта перестройка—дело очень сложное и трудное. Но уже сейчас мы можем привести ряд примеров того, что эта перестройка—органическая и глубокая.

Творческая перестройка писателей.

Народный поэт республики **Якуб Колас,** который прекрасно знал и описал дореволюционную деревню, но который **долгое время не мог осмыслить процессов создания новой колхозной деревни,** в своей повести «Отщепенец» дает нам эту новую деревню, показывает рождение нового **колхозного строя.** И если **полещуки** из «Полесской глуши» — это представители «здорового народного (мужицкого) нутра», если «Полесская глушь» — по раннему Коласу—не знала классовой борьбы, и вождем деревни оказывался нацдем интеллигент **Лобанович**, то уже в «Дрыгве» тов. Колас **дает** образ деда Талаша (тоже полещук, **крестьянин**, старик), который становился организатором партизанского **движения** против белопольской **оккупации.** Тов. Колас **показывает** руководство этим движением со стороны подпольной коммунистической организации, показывает классовое *расслоение деревни. Читая отрывок о поджоге* партизанами имения пана Длугошица (пан Длугошиц вернулся вместе с оккупантами в свое имение **и стал** центром враждебных революции сил, вплоть до белорусских нацдемов), чувствуешь огромную ненависть Коласа к оккупантам и их лакеям.

Тов. Колас, имя которого было давно известно русскому читателю вместе с именем другого народного поэта республики тов. Купалы, принадлежит к числу тех больших мастеров художественного слова, у которых учится более молодое поколение писателей художественной форме, художественному **языку и большому** качеству. Творческая **перестройка этого** большого мастера слова, как и творческая перестройка **Янки Купалы, является огромным** достижением.

Такая перестройка, когда писатель творчески полемизирует **с идейными** установками, с образами **своих** прежних произведений, а иногда и с методами своего творчества, когда он вскрывает идейно и художественно те ложные позиции, которые он когда-то **занимал, когда** он по-новому показывает то, что раньше он показывал неправильно,—**такая** перестройка есть настоящая перестройка, и такую перестройку **мы имеем у ряда писателей**, в свое время отягченных грузом **национализма.**

Националисты в литературе особенно крепко **насаждали** национальную и провинциальную ограниченность. Мы в значительной **мере** разбили и этот порочный круг. **Показ** деревни в произведениях последних лет уже не тот, что был раньше. Тов. **Лыньков** в романе «На чырвоных лядах» **показывает** классовое расслоение деревни и местечка, показывает лицо деревенской интеллигенции (кстати, своим показом Лыньков разбивает вдребезги ложь о якобы революционной, мессианской роли националистической эсэрствующей интеллигенции в деревне), показывает пути развития кулачества (кулак предпринимательского типа—староста Милев и «земляной кулак» Цыбал).

По-новому показывает деревню 1920—24 гг. и тов. **Крапива** в романе «Мядзведзічы». Я не говорю уже о романе «Спалох на загонах»—**Головача**, о поэмах «Векапомная осень», «Хлебная зима» — **Александровича** и ряде других произведений *коммунистов-писателей, в которых* белорусская деревня отображена правильно, реалистически, художественно.

Отходя от деревенской замкнутости, современная белорусская литература создала ряд произведений на производственную тематику: «Напор» тов. Александровича на материале деревообделочного комбината, «Каландры»—тов. Бровко на материале бумажной фабрики, «Солнце под шпалы» и «Записки инструктора Томана» — тов. Шинклера на материале железнодорожного транспорта, «Мощь» — тов. Микулича на материале Магнитогорска, «Баян» и «На большой волне» Лынькова — на материалах Беломорского канала, «От полюса ю полюса» поэта Изи Харика — на том же материале, роман «Шелк» тов. Долгопольского — на материале Могилевской шелковой фабрики, «Биография моего героя» тов. **Знаемого**—на материалах машиностроительного **завода**,—*вот пусть небольшой, но* весомый фонд индустриальной тематики, брошенный в бой против провинциальной и крестьянской ограниченности литературы.

Литература БССР противопоставила нацдемовской ориентации на Запад правильный показ буржуазного Запада и ориентацию открытую и полную на пролетарскую Москву. Такими книгами, как «Теория Календбруна» **Самуйленка,** «Дрыгва» **Якуба Коласа,** пьесой «Конец дружбы» **Крапивы,** пьесой «Восстание жнецов» еврейского писателя **Зисиинда Лева,** поэмой «Человек из Альтоны» польского поэта **Ковальского** и пьесой «Великодушие» русского драматурга тов. **Головчинера литература** БССР еще раз **показала**, что несет трудящимся так **называемая** «западная ориентация». **Налаживание** тесной братской связи с писателями СССР — русскими, украинскими, мордовскими, молдавскими, грузинскими, творческое соревнование с писателями Западной области, активная помощь русских **писателей**, особенно бригады всесоюзного оргкомитета во главе с тов. **Бахметьевым**, личное внимание к национальным литераторам со стороны председателя всесоюзного оргкомитета **Алексея Максимовича Горького** и всего оргкомитета в целом дали советской литературе БССР огромную помощь в деле насыщения литературы пролетарским боевым интернационализмом, оказали огромную помощь в деле художественного роста.

Статьи Алексея Максимовича о языке, появившиеся во время проработки нами вопросов об очистке языка от нацдемовского хлама, помогли нам расширить эту проработку и превратить ее в развернутую борьбу за качество литературы. Некоторые думают, что отсутствие в последнее время вылазок националистов в литературе свидетельствует об уменьшении опасности со стороны местного белорусского национализма. Эта мысль в корне неправильная. Белорусский национализм остается главной опасностью для белорусской литературы, как и вообще для КП(б)Б в БССР на данном этапе.

Решительная и неуклонная борьба против национализма во всех его проявлениях и в особенности против белорусского национализма остается как одна из основных задач нашей литературной организации.

С чем мы пришли к с'езду.

Теперь, разрешите перейти к выводам, которые можно сделать из анализа всей белорусской советской литературы.

Каковы же эти выводы?

1. Значительно повысился идейно-политический уровень нашей литературы. Как правило, крупнейшие произведения последних двух лет ставят и правильно трактуют наиболее острые проблемы нашей действительности. Таковы — «Дрыгва» Якуба Коласа, «Над рекой Арессой» Янки Купалы, четыре поэмы Александровича, «На красной [illegible]» Лынькова, «Конец дружбы» Крапивы, «Родина» К. Черного, «Так начиналась молодость» Бровки, «Теория Календбруна» Самуйленка. Наша литература это не литература мелкого факта, не литература одного хотя бы и интересного случая, а это в большой мере литература значительных философских обобщений, хотя этот **термин может быть приложен далеко** не ко всем произведениям.

Значительно расширилась тематика нашей **литературы по отображению** индустриализации страны, по **обороне страны**, по отображению МТС и МТМ. По оборонной литературе мы выпустили ценный сборник «Атака» **из жизни современной Красной Армии, сдали в печать сборник, посвященный** 20-летию **империалистической** войны, и сборник **к 14-летию освобождения** Белоруссии от **белополяков. Однако и** это расширение **тематики далеко еще** не удовлетворительно.

Индустриальное крыло литературы по **сравнению с крылом, отображающим** сельское **хозяйство и крестьянство**, все еще **остается малым. Старые мастера литературного слова** *еще недостаточно включились* в индустриальную и оборонную **тематику**, несмотря **на то, что оборонная тематика для нас, как пограничной республики, имеет сугубо важное значение.**

Значительно выросла драматургия. Конкурс, который **мы провели в этом году, дал** не плохие результаты. Мы премировали три пьесы: **«Конец дружбы»**—Крапивы, **«Восстание жнецов»**—З. Леве, **«Великодушие»**—Головчинера, и около 8 пьес рекомендовали к постановке, в том числе пьесу тов. Гурского **«Мать»**, пьесу т. Шешелевича **«Симфония гнева»** и ряд др.

При анализе этих пьес бросается в глаза, что они в абсолютном большинстве стоят на высокой идейной основе.

Несмотря на то, что ряд писателей в деле создания положительных образов поднялся на несколько ступеней выше, мы все *еще полнокровного положительного образа* почти не имеем.

Если взять все появившиеся в **литературе за последние годы положительные типы** большевиков (а их появилось не мало и не плохих), то следует сказать, что нашим писателям удалось подметить и отобразить настойчивость большевика, уменье без горячки, вдумчиво и быстро найти выход из трудных положений, уменье прислушиваться к массам и использовывать их опыт, уменье безраздельно отдаваться работе. Все это удалось показать, не превращая образ в схему «стопроцентного», «твердокаменного» и пр.

Чего же не удалось показать?

Не удалось показать большевика-организатора. В чем заключаются причины этого? Причины этого, по-моему, не только в том, **что мы мало изучаем наших лучших ударников—героев пятилетки, лучших большевиков**, не только в том, что мы мало изучаем **крупицы опыта, отдельные черты** нового, **нарождающегося в процессе** социалистического **строительства, человека**, но причины **заключаются также в том, что мы слабо знаем то дело, которое делают в жизни** эти положительные герои.

Несколько слов о нашем литературном молодняке. В последние годы мы имеем ряд ценных книг, написанных молодыми товарищами. Среди них следует отметить «Мощь» **Микулича,** «Солнце под шпалы» и «Записки инструктора Томана» **Шинклера,** «Теорию Календбуры» **Самуйленко,** поэмы «Аманал» и «Горбун» **Кулешова,** ряд рассказов польской писательницы **Романовской,** поэмы польского поэта **Ковальского,** книгу новелл еврейского прозаика **Кацовича** и др.

Массовое литературное движение, которое охватывает около 1.000 кружковцев, при всех недостатках руководства, уже выдвинуло в литературу ряд товарищей. Их произведения отображают главным образом практику социалистического строительства в деревне и в городе, которое непосредственно окружает начинающих писателей. Однако очень многим из молодых писателей нехватает знаний и техники своего дела, и сюда должно быть направлено главное внимание в нашей *последующей* работе.

Мы **имеем** значительные достижения в области детской литературы. Проведенный **нами** конкурс дал свыше 30 новых книг для детей. Среди них наиболее ценной является **«ТВТ» Янки Мавра** (о применении политехнических знаний в повседневной жизни), **А. Александровича** «Счастливый путь» (о перевоспитании подростка, сына кулака, в условиях нашей советской действительности), **Харика** «От полюса до полюса» (о Беломорском канале) и др.

О еврейской и польской литературе БССР.

Размеры доклада не позволяют широко остановиться на росте литературы народов, населяющих БССР. Следует только сказать, что в последние 2 года мы имели значительный рост **еврейской** советской литературы, особенно в области поэзии **(Харик, Кульбак, Аксельрод, Тейф, Лившиц, Каменецкий).**

Еврейская советская литература БССР значительно подняла свой художественный и идейный уровень и в смысле роста идет вровень с белорусской литературой. Отсталым участком этой литературы являются проза и драматургия.

Из прозаических произведений мы можем привести только два больших произведения: «Зельменяне» Кульбака и «Шелк» Долгопольского, а из драматургии — две пьесы.

Этого безусловно мало, и нашей еврейской литературе нужно с особой заботливостью воспитывать своих прозаиков и драматургов.

Польская литература даже при сегодняшних кадрах имеет все перспективы стать довольно крепким отрядом нашей советской литературы. Очевиден рост таких писателей, как тт. Ковальский, Романовский, Горавский, Кранский. Этот рост идет одновременно с расширением массового литературного движения, концентрирующегося вокруг газеты «Орка» и нашей польской секции.

Для национальных литератур характерны те же отрицательные явления, какие встречаются и в белорусской литературе.

Могучее сердце нашей земли — Сталин.

Последний вопрос — об организационной перестройке писательской организации. Создание оргкомитета ССПБ после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, постоянное внимание ЦК КП(б)Б к вопросам литературы обеспечило под руководством ЦК КП(б)Б перестройку работы писательской организации, **ликвидировало групповую борьбу внутри организации,** создало все условия дружной совместной работы всех писателей, которые действительно стали на платформу советской власти и хотят активно участвовать в социалистическом строительстве. **ЦК КП(б)Б внимательно следил за нашей работой, по-большевистски исправляя наши ошибки, конкретно и оперативно руководил литературным делом.** Это обеспечивало наши успехи и наш дальнейший рост.

Однако в работе организационного комитета был ряд крупных прорывов. Первый и основной прорыв — это неналаженность политической и творческой учебы, особенно в области подготовки молодых писателей. Другой недостаток — это необеспеченность эффективности тех мероприятий, которые проводились оргкомитетом, начиная от совещаний и кончая творческими командировками писателей. К недостаткам нашей работы следует отнести и плохую совместную работу с комсомолом, с профсоюзами, хотя ряд мероприятий мы вместе с ними эпизодически проводили, и проводили неплохо.

В последнее время мы закончили одну из основных организационных работ — оформление нашей союзной организации. Принято 69 писателей в члены союза, 26 писателей—в кандидаты. Эта работа имеет исключительно политическое и практическое значение для литературы БССР. Организация союза — это прежде всего организация белорусского отряда всесоюзной литературы. Организация союза означает повышение требований к принятым в союз: их творчество должно стоять на уровне всей всесоюзной литературы. Организация союза означает улучшение качества литературы, ликвидацию отставания литературы от темпов и задач социалистического строительства, ибо союз советских писателей — это об'единение самых крепких, самых квалифицированных мастеров художественного слова, своим творчеством доказавших желание и умение бороться за социализм. Организация союза во много раз увеличивает нашу ответственность, ответственность всей писательской организации и каждого писателя в отдельности перед советским читателем, перед партией, перед рабочим классом. Организация союза помогла нам очистить писательскую организацию от окололитературной публики, и точно так же стимулировать рост молодежи, среди которой есть ряд талантливых писателей, но которым еще нехватает знаний и техники мастерства.

* * *

Вот в общих чертах положение и задачи советской литературы БССР. Эти задачи нам ясны, как ясны пути прошлого, его побед и прорывов. Мы достигли значительных побед благодаря мудрейшему **руководству ленинской партии,** благодаря прозорливейшему руководству **великого Сталина.** Наша задача одна: выполняя **гениальные указания** вождя партии, исторические постановления XVII с'езда ВКП(б), осуществляя программные для всего социалистического строительства положения доклада товарища **Сталина** на XVII с'езде, упорно овладевая мастерством, с величайшей любовью и энтузиазмом создавать произведения, полные жизненной правды, о социалистическом строительстве, о героизме нашей великой родины, о нашей ленинской партии, о лучшем, что создало до сих пор человечество.

Каждая литература народов Великого Советского Союза будет бороться за выполнение этой задачи. И мы ее выполним, потому что, говоря словами поэта Андрея Александровича:

> Заботливо смотрит садовник за садом:
> Так наша страна в свою ясную рань —
> Поддержкою крепла, вниманьем богатым
> Всех братских народов, всех братских стран.
> И лишь потому на вершинах мы встали,
> Что сердцем единым мы мощно росли,
> А сердце могучее нашей земли —
> Родной наш, любимый наш Сталин.

(Аплодисменты).

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

А. ТОЛСТОЙ.

> Самой судьбою перед ним
> Снята задача СТАТЬ Толстым.
> Он должен думать вновь и снова
> Как ОТЛИЧАТЬСЯ от Толстого,
> Но быть художником большим
> И АЛЕКСЕЕМ
> И ТОЛСТЫМ.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Литература народа, которого „не было“.

Доклад тов. Лахути на первом всесоюзном с'езде писателей.

Товарищи! Каждый раз, когда я говорю о Таджикистане и о таджиках, мне невольно вспоминается один характерный факт. Еще юношей в Персии, работая в области революционной литературы, я впервые встретил слово «таджик» в стихотворения Саади. Поэт писал, обращаясь к своей любимой:

«Твоих очей жестокий турок
Таджика проливает кровь».

Заинтересовавшись значением нового для меня слова, я заглянул в словари и в одном из них нашел следующее определение: «Таджик—название некогда существовавшего народа, в турецких словарях означает фарс, перс».

Таким образом, первое мое знакомство со словом «таджик» по поэзии Саади было связано с представлением о национальном антагонизме, о турецко-персидской вражде.

Однако в вихре революционного движения не было времени думать о «некогда существовавшем народе». И очень скоро слово «таджик» было мною забыто. Прошло много лет. В 1923 г. в Москве мне позвонили, что со мной хотят повидаться руководящие работники компартии Таджикистана. Я подумал: «Знакомое слово. Где я его слышал?» И вдруг мысль перенесла меня на 20 лет назад. Я вспомнил Саади, словарь и фразу: «Таджики—некогда существовавший народ».

Трудно выразить словами ту радость, которая кипела во мне при разговоре с этими представителями советского Таджикистана и его компартии. Ранее политически мертвый народ в СССР оказался не только существующим, но и политически организованным, самостоятельным народом, имеющим все данные для мощного хозяйственного и культурного расцвета.

Еще радостнее было мне узнать, что этот народ растет и развивается рука об руку со старшей братской республикой—Узбекистаном, с теми самыми «жестокими турками», о которых писал Саади. Таджикистан из отсталой, забитой царской колонии превратился в республику строящегося социализма при помощи пролетариата всего Советского Союза.

Седьмая, самая юная...

Если все заботы хозяйственного порядка последнего эмира выразились в сооружении одного моста, то сейчас в Таджикистане работает ряд электростанций, возводятся такие мощные сооружения, как Вахшстрой и Варзобстрой, одна за другими вступают в строй рудники, нефтепромысла, шелкокомбинаты, хлопкоочистительные заводы. Таджикистан становится страной растущей промышленности, коллективизирующегося сельского хозяйства, прекрасных новопроложенных дорог.

Что представлял собой Таджикистан до Октябрьской революции в отношении культуры и просвещения? Грамотного населения в Таджикистане было всего полпроцента, при чем эти полпроцента составлялись из духовенства и чиновников. Среди трудящегося населения грамотный человек был редкостью.

Теперь в республике около 60 проц. грамотного населения. В 1933 году там насчитывалось 4 вуза, 23 техникума, 15 совпартшкол, 9 ФЗУ, 129 различных курсов.

Интересно сравнить ассигнования на народное просвещение в Таджикистане с расходами на ту же цель Афганистана и Персии. Весь бюджет Афганистана в 1931 г. составлял на наши деньги 25 миллионов рублей. Из них на народное просвещение было ассигновано 448 тысяч, т. е. 2 процента общего дохода. Бюджет Персии составлял в 1930—31 году всего 70 млн рублей, из которых на народное образование было отпущено 4.5 миллиона рублей, или 6 процентов всего дохода. **Из бюджета же таджикского советского правительства в 1931 году на народное просвещение было отпущено 25 млн рублей, т.-е. 30 процентов. Это равняется общей сумме бюджета Афганистана.** Надо отметить, что как в Афганистане, так и в Персии количество населения в несколько раз превышает население Таджикистана.

Применение новых орудий производства, плуга, комбайна, трактора, вытесняя первобытную мотыгу, одновременно изменяет всю жизнь Таджикистана, переделывает облик и поведение людей. Люди, которые привыкли медленно ходить, медленно говорить, медленно думать, теперь не могут не быть захвачены общим могучим потоком строительства: они быстрее зажили, быстрее задвигались, быстрее стали ориентироваться. Люди стали и думать по-иному. Это нашло отражение в устном народном творчестве—фольклоре.

В прежнее время, когда хотели сосватать девушку, родители обеих сторон долго спорили между собой о том, сколько ослов, *баранов и прочего добра надо дать за нее в калым.* Наконец, после долгого торга стороны сходились в цене, и невеста оказывалась проданной, не зная даже, за кого она выходит замуж. Об этом пелось в народной песне:

«Золота сколько мешков мне собрать,
Сколько ослов и верблюдов мне дать?
Все я добуду, красотка, чтоб мне
В жены тебя отдала твоя мать».

Та же самая тема, тема любви и брака в советском фольклоре отражена по-новому, по-социалистически. Люди не забыли о любви.

Но тематика фольклора в корне изменилась. Теперь влюбленный хочет показать, что он умеет работать, что он герой страны. Теперь он не верблюдами, ослами и деньгами завоевывает себе невесту, а своими личными качествами, активностью, новым отношением к труду, как к делу чести, доблести и геройства. Это—любовь, не связанная никакими материальными расчетами. Подлинная, свободная, человеческая любовь.

Советский фольклор Таджикистана нуждается во внимательном исследовании. Молодые писатели должны особенно много внимания уделить собиранию и изучению народной поэзии, которая может значительно обогатить их творчество.

Рожденная Октябрем советская художественная литература Таджикистана в первые годы была очень слаба. Джадидистская (реформистская) литература, выражавшая интересы национальной буржуазии, естественно не могла явиться источником для учебы молодых советских писателей, ибо джадидизм, как пантюркистское, панисламистское движение, после Октябрьской революции оказался во враждебном лагере. Правда, лучшие представители этого движения вскоре перешли на нашу сторону, но положить начало новой, советской, большевистской литературе они, конечно, были не в силах. Для создания такой литературы, стоящей на высоком идейном уровне, проникнутой марксистско-ленинским мировоззрением, надо учиться в первую очередь у русской советской литературы.

С другой стороны, таджики располагают таким богатейшим художественным наследием, как классическая персидская поэзия. Поэты IX, X, XI веков **Даники, Рудеки, Бу Али Сина (Авиценна), Фирдоуси, Саади, Гафиз, Амар Хайям** и десятки других блестящих мастеров слова, пользующихся мировой известностью, писали на родном языке таджиков, на языке, который до сегодняшнего дня понятен и близок широким массам Таджикистана. Выполняя завет **Ленина**, таджикские писатели должны критически освоить и использовать эти сокровища прошлого. Однако учеба у классиков долгое время была в загоне. Нашлись люди, *которые об'являли, что эти писатели*—сплошь классовые враги и что советские литераторы не должны даже заглядывать в старые книги. Партия выступила против таких тенденций. В последнее время Таджгизом намечен к изданию ряд избранных классических произведений.

Горные выси, зеленеющий рай.

Зачинателем современной советской прозы Таджикистана может быть назван **Садреддин Айни**. Его повесть «Одина» и первый таджикский роман «Дохунда», рисующие жизнь таджикских дехкан при царизме, в период революции, гражданской войны и советизации Таджикистана, переведены на ряд языков.

Всего в Таджкистане насчитывается около 100 писателей, печатающих свои произведения. Наиболее талантливые из них: **Гани Абдулла, Дехати, Джелал Ирами, Рабии, Карим-Задэ, Рахим Джалили, Муин-Задэ, Рашид Абдулла, Мир Шакар, Рахими, Хамди, Дунган, Тагири, Сарвар, Улуг-Задэ, Мирзаев, Турсун-Задэ, Туйгун, Юртаев** и др.

Среди делегатов с'езда здесь сидит поэт-колхозник **Рабии**. В своих стихах он рисует жизнь колхозников, их нужды и запросы, их культурный рост. В одном из своих последних стихотворений он изображает жизнь своего кишлака Аракчин.

«Сегодня перо не вздымаю штыком,
Мой глаз очарован родным кишлаком.
Хочу я прославить, друзья, Аракчин,
Для этого, право, немало причин.
Здесь горные выси, синеющий край,
Подножье горы—зеленеющий рай.
Тут воздух прозрачен, и в гуще садов
Немало румянится сочных плодов.
Повсюду дехканину в солнечный день.
Чинары готовят прохладную тень...»

Далее Рабии пишет о рудных богатствах, скрытых в недрах гор, о целебных, минеральных источниках Аракчина и в заключение просит советскую власть прислать туда инженера для разработки руд, просит создать в кишлаке курорт для трудящихся.

Насколько выросло интернациональное сознание таджикских трудящихся, можно убедиться на небольшом стихотворении памирского комсомольца, сына дехканина-бедняка **Мир Шакара**.

Он пишет:

«Япония на нас нож точит беспрестанно,
Ее надежда вся — на западные страны.
Эй, руки прочь! Иль там у вас забыто,
Что есть у нас могучая защита?
За нас, лишь первый посвистит снаряд,
Всемирный встанет пролетариат».

Как и во всех советских республиках, молодая литература Таджикистана пришла к своим достижениям и успехам через ожесточенную классовую борьбу. Пользуясь недостаточной грамотностью и опытностью советской молодежи, классовый враг вредил на литературном фронте всеми средствами.

Не приходится говорить о том, как велика помощь, оказываемая пролетариатом Союза Таджикской ССР. Например, в этом году из общей суммы бюджета Таджикистана, исчисляемого в 159 миллионов руб., 60 миллионов отпущено из союзных средств. Я не говорю уже о первых годах после советизации Таджикистана, когда союзный пролетариат целиком своими средствами помог разоренной басмачеством республике выйти из разрухи и приступить к социалистическому строительству. Сотни школ, больниц, домов отдыха, предприятий выстроены при братской помощи пролетариата всего СССР.

Между тем, вылазки классового врага происходили на литературном фронте: была, например, написана пьеса «Шутки».

Автор протаскивал в ней клевету о красном империализме. Выросшая за последние годы пролетарская молодежь дала заслуженный отпор таким выступлениям, разоблачила и изгнала из своей среды клеветников.

Историческое апрельское постановление ЦК ВКП(б) вызвало большие изменения в таджикской литературе. Большая часть старых кадров окончательно перешла к нам. В большом количестве стали появляться новые произведения. Наметился значительный сдвиг в области драматургии, которая раньше заметно отставала. На первом республиканском конкурсе получили государственные премии пьесы: **Гани Абдулла** «Вахш», **Турсун-Задэ** «Суд», **Карим-Задэ** «Бойцы», **Саид Мурадова** «Восстание Васеха», **Мухамедиева** «Диль» («Навоз»).

Несмотря на наличие многих безусловно талантливых произведений, большинство из них страдает общим недостатком: низким уровнем литературной техники и общей грамотности, ограниченностью кругозора и знаний, что неизбежно приводит к схематичности, недостаточно глубокому проникновению в изображаемый предмет.

Точно так же недостаточно глубокое знакомство с персидскими классиками приводит к механическому перенесению их образов в собственные произведения.

Вопрос о качестве языка, поднятый Алексеем Максимовичем Горьким, в огромной мере относится и к литературе Таджикистана, ибо факты вопиющей неграмотности встречаются в ней довольно часто.

Дадим произведения, достойные социализма.

Таджикским писателям нужна учеба, упорная учеба. Для этой учебы, для плодотворной работы у них имеются широкие возможности, имеются внимание и помощь партии, правительства и всей советской общественности. Не использовать этих возможностей для создания высокохудожественных произведений, достойных эпохи социализма, было бы преступлением, тем большим преступлением, что на таджикском языке говорят десятки миллионов трудящихся Индии, Персии, Афганистана, и таджикская советская литература является для них единственным источником ознакомления с жизнью СССР — родины трудящихся всего мира.

Мне вспоминается, каким преследованиям, каким трудностям подвергались те *великие поэты прошлого, о которых* я говорил вам сегодня. Мало у кого из них не вырывалась горькая жалоба на свою судьбу. **Омар Хайям** писал:

Ухожу — и осталась несказанной тысяча слов.
Ухожу — и осталась несбывшейся тысяча снов.
Я прекрасные перлы для мира напрасно копил.
Не нанизаны перлы остались по воле глупцов.

Бу Али Сина не менее горько советовал:

С глупцами этими, что мнят, будто они —
Мудрейшие, ученейшие люди,
Ослом будь, ибо в этом обществе ослов
Кто не осел — сочтен неверным будет.

А быть признанным неверным означало преследования, страдания, иногда смерть.

Зачем, однако, искать примеров в глубокой древности? За примерами и теперь недалеко ходить. Я не буду говорить о том, что делается в Германии. Это для вас не секрет. Приведу один из многочисленных примеров расправы с неугодными писателями на капиталистическом Востоке.

Современному персидскому поэту **Фарруху** за участие в национально-освободительной революции (в те времена, когда он еще не сложил оружия перед правительством) буквально иглой зашили рот, и до сих пор у него на губах хранятся следы проколов.

И вот в то время как за рубежом происходят такие зверства, у нас писатель окружен почетом, как носитель звания инженера человеческих душ. Нам не надо забывать, насколько важна огромная ответственность, накладываемая на нас этим званием. Если ошибется инженер, строящий завод, это обойдется государству в несколько лишних миллионов рублей. Если ошибется инженер человеческих душ, вред, нанесенный им социалистическому строительству, будет неизмеримо велик, ибо ошибка его отразится на сознании самих строителей.

В заключение я прочту вам слова любимого нашего вождя, обращенные к парторганизации Таджикистана в 1925 г.:

«Таджики имеют богатую историю: их организаторские и политические способности в прошлом ни для кого не составляют тайны. Работники Таджикистана! Поднимайте культуру своей страны, развивайте ее хозяйство, помогайте труженикам города и деревни, сплачивайте вокруг себя лучших сынов своей родины и покажите всему Востоку, что вы являетесь лучшими потомками своих предков, крепко державших в своих руках знамя освобождения».

Я уверен, что Таджикистан под руководством коммунистической партии во всех отношениях и в частности на литературном фронте оправдает доверие нашего вождя, вождя пролетариата всего мира товарища **Сталина**.

Группа таджикских и испанских писателей (слева-направо): КАРИМ-ЗАДЭ, МАРИЭТТА ЛЕОН, РАБЕН, АЛЬБЕРТИ И РАХИМ-ДЖЕЛИЛЬ.

В жестоких классовых боях выросла татарская советская литература.

Доклад председателя союза советских писателей Татарии тов. Кави Наджми на всесоюзном с'езде писателей.

ЛИТЕРАТУРА ПОЛКОВЫХ МУЛЛ И ШАКИРДОВ.

Татарстан до самой Октябрьской революции представлял собой типичный уголок «тюрьмы народов», где трудящиеся массы, лишенные всех прав, в том числе и права на грамотность, испытывали двойной гнет: российского империализма и собственной национальной буржуазии.

Татарская буржуазия, выросшая как активный соучастник российского империализма, свою деятельность усердно сочетала с поддержкой самодержавия. Не случайно, что татарские купцы и фабриканты энергично аплодировали подавлению революционных выступлений 1905 года и устами *купца Сайдашева заявляли:* «Мы присоединяемся к молитве русских за самодержавного монарха, от всей души радуясь тому, что снова в городе восстановлено повиновение законным, от его величества поставленным властям».

Татарская буржуазная интеллигенция шла по тому же пути, ограничивая свою деятельность узко культурническими мероприятиями в рамках капиталистического строя и практически разрешая задачу, цинично сформулированную миллионером Хусаиновым: «Обучайтесь по-новому. Учитесь не только читать и писать, обучайтесь и счету. Нашей фирме нужны конторщики».

Татарские либерально-буржуазные писатели выше этой идеи никогда не поднимались. Так, **Фатых Амирхан** в рассказе «Сон перед праздником» описывает, как «он очутился в большом, по-европейски убранном, национальном клубе», в компании просвещенных капиталистов и студентов-татар. А другой представитель татарской буржуазной литературы **Гаяз Исхаков** после столь же блестящих «шедевров» закончил свою писательскую деятельность религиозно-шовинистическим произведением «Зулейха» (1917 г.).

Не знавшая границ хищническая эксплуатация ускорила процесс политического созревания татарских рабочих, и уже в революцию 1905 года мы встречаем передовых их представителей наряду с русскими рабочими в авангарде революционного пролетариата.

На этой почве появились первые ростки марксистской мысли среди татар, возникла первая большевистская газета на татарском языке — «Урал» (1907 г.) (царская цензура не могла, конечно, дозволить нарушения «устоев» и быстро закрыла «Урал»).

В эти годы выступает первый представитель революционной литературы писатель **Кулахметов Гафур**. В своих произведениях «Две идеи» и «Молодая жизнь» он впервые дал художественные картины борьбы рабочего класса против капитализма.

Но в условиях буржуазно-помещичьего строя и колониального гнета не могло быть и речи о широком размахе художественного творчества революционно настроенных мастеров слова. Самые выдающиеся произведения крупнейшего татарского писателя **Галимжана Ибрагимова**—повесть «Дочь казака» и роман «Наши дни»—были конфискованы полицией. Такая же участь постигла поэта **Маджит Гафури**. Многие стихи **Тукая** только при диктатуре пролетариата стали достоянием читательских масс. Результаты этих гонений на художественное слово можно наблюдать в каталогах библиотек. За время с 1854 по 1917 г., т. е. за 60 лет, *в библиотеках было зарегистрировано оригинальных художественных произведений на татарском языке лишь около ста названий.*

Однако ни Тукай, ни тогдашний Гафури, ни **Шариф Камал** не вскрывали в своих произведениях причин тяжелой жизни трудящихся. У некоторых наступившая вслед за 1905 г. реакция вызвала сильнейшую апатию и пессимизм, особенно ярко подчеркнутые Тукаем:

**Юный мой гений сверкал и гремел
Как сильный гром.
Нынче сердце у меня
Не горит былым огнем.
...Мстить нет сил. Меч сломался,
Дело кончилось вот чем:
Грязью я забрызган сам,
Мир очистить не сумел.**

Татарская буржуазия, окрыленная после Февральской революции мечтой об установлении своей политическо-хозяйственной монополии, выдвинула идею создания буржуазно-национальной автономии, мобилизуя с этой целью все свои силы, в том числе и литературу. Буржуазная литература пополняется новыми, в художественном отношении весьма бледными, фигурами из среды полковых мулл и шакирдов. Наиболее типичны для этого времени стихи, призывающие к восстановлению традиций и порядков эпохи Чингиз-хана, к установ*лению буржуазной автономии по всему* Поволжью и Уралу. В интересах разжигания межнационального антагонизма лакеи от литературы не брезговали ничем. Например, истеричная героиня Исхакова Зулейха так проклинает родного сына, рожденного от русского отца:

«Ведь я вырастила этого врага мусульман, ведь я родила двуногого шайтана Захара. От мусульманки родился враг мусульман—гяур. Ты, гяур, разогнал моих ангелов. Пусть станет ядом тебе мое материнское молоко. Проклятье тебе!»

А дивизионный мулла Будайли в сборнике «Солдатские мотивы» призывает солдат-татар немедленно отделиться от русских и стать на защиту национальных интересов, т. е. интересов татарской буржуазии, которая успела уже заключить союз с русскими белогвардейцами, с Украинской радой и со всеми контрреволюционно-националистическими организациями Крыма, Кавказа и Средней Азии.

В годы военного коммунизма, когда пролетариат и трудящиеся массы Татарии были заняты главным образом на фронтах вооруженной борьбы против интервентов, культурный и в особенности литературный фронты представляли собой удобные лазейки для идеологов татарской буржуазии.

Султангалиевцы, пытавшиеся *использовать советскую власть в буржуазно-демократических* целях, сочиняли бульварные пасквили о большевиках, о рабочих и крестьянах, строящих новую жизнь, и пропагандировали идеи капиталистического возрождения, идеи «самобытности татарского народа», идеи об'единения всех населенных тюрками, татарами, башкирами, узбеками, киргизами территорий в одну большую мусульманскую империю, опирающуюся на штыки мирового империализма. Но лучшая и большая часть интеллигенции не пошла по этому пути.

ЗА ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА.

В годы военного коммунизма и восстановительного периода татарская литература обогатилась большим количеством художественных произведений с новым идейным качеством. Наряду с выдвижением новых писательских кадров (**Хади Такташ, Кави Наджми, Крымов, Тулумбайский, Ш. Усманов, Туфан, Максуд** и др.) лучшая часть дореволюционных писателей связала свое творчество с пролетарской революцией. Но советская литература все же не представляла единого потока. Сильный напор националистических идей чувствовался в поэмах **Ф. Бурнаша**.

Крупнейший в татарской литературе прозаик Галимжан Ибрагимов, который до 1917 года стоял во главе революционно-настроенных мелкобуржуазных писателей, с начала Октябрьской революции стал на сторону советской власти и вступил в ряды нашей партии. За 30 лет своей творческой деятельности он создал ряд крупных художественных полотен, среди которых имеются пользующиеся большим успехом романы и повести: «Наши дни», «Глубокие корни», «Дочь казака» и «Красные цветы». Изучая творчество Галимжана Ибрагимова, можно получить довольно целостное представление об истории и жизни различных слоев татарского народа, в особенности деревни.

Далее, поэт М. Гафури, испытавший долголетние преследования царской цензуры, только после Октября получил возможность создать свою знаменитую поэму «Рабочий», которая была потом переделана в либретто для оперы.

К этой же группе писателей принадлежит Шариф Камал, по произведениям которого можно проследить весь исторический путь рабочего-татарина от положения при царизме до участия на фронтах гражданской войны и до положения ударника социалистической стройки.

Большинство произведений драматурга *и беллетриста Фатыха Сайфи тоже* написаны в советский период.

Татарская советская литература сделала значительные шаги в ликвидации национальной ограниченности, ограниченности тем и проблем, в отображении того многообразия глубоких социальных и культурно-бытовых вопросов, которыми так богата наша социалистическая действительность, действительность пролетарской революции. Романы **Галимжана Ибрагимова**, романы и пьесы **Ш. Камала**, повести и рассказы **Кави Наджми, Тулумбайского, Максудова, Усманова**, пьесы **К. Тенчурина**, поэмы и стихотворения **Такташа, Туфана, Батталова, Крымова, Файзи, Фатыха Каримова, Муса Джялиля**, рассказы и повести **Амирова, Газеева, Фатыха Сайфи** и ряда других писателей, поэтов и драматургов, несмотря на все разнообразие творческих манер этих писателей, составляют нечто единое, показывающее богатство и рост нашей литературы.

Созданию татарской советской литературы в громадной степени содействовала русская советская литература, и в первую очередь великие творения М. Горького. Горький — лучший учитель и друг татарских советских писателей. Он всегда близко интересовался ходом развития татарской литературы.

За годы социалистической реконструкции происходит дальнейший идейно-художественный рост основных писательских кадров, выдвинувшихся в годы пролетарской революции. Выросли новые кадры писателей из рабочих и крестьян. **Баттал, Мирсай Амиров, Газеев, Тунтаров, Гильманов, Фатых Хусни, Газиз Иделле, Ахмет Фаиз, Мухаметшин** и ряд других молодых прозаиков *и поэтов ярко характеризуют* неуклонный рост татарских литературных кадров. Многие из перечисленных товарищей успели обогатить литературу произведениями значительного идейно-художественного качества, новой тематикой, новыми художественными образами, новым пафосом.

Постановление ЦК от 23 апреля 1932 года сыграло исключительно большую роль в сплочении татарских писателей, стоящих на платформе советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в повышении творческой активности писателей. В связи с этим нельзя не указать на последние произведения драматурга **Карима Тенчурина**. Тенчурин хотя и начал писать до революции, но оформился как драматург в послеоктябрьский период. Тенчурину принадлежит ряд талантливых драматических произведений. Он хорошо знает жизнь и быт различных общественно-социальных слоев татарского народа (крестьянства, буржуазии, духовенства, городского мещанства и т. д.). Большое место в его творчестве занимает фольклор (народные песни, игры, пляски и музыка), который он умеет мастерски преподнести зрителю. Но творчеству Тенчурина, к сожалению, присущи поверхностность в понимании задач революции, неумение глубоко вскрыть эксплуататорски-хищную природу татарской буржуазии и мусульманского духовенства. Этим характеризуются и такие крупные произведения, как «Голубая шаль» и «Иль».

В пьесах «Без ветрил» и «На Кандре» Тенчурин делает огромный шаг вперед. Тенчурин не является единственным показателем роста татарской драматургии. За последние годы Татария обогатилась хорошими пьесами **Ш. Камала, Фатых Сайфи, Бурнаша, Ишмуратова, Гизятова** и др.

На всех этапах развития татарской советской культуры и советской литературы буржуазный национализм проявлял себя как злейший враг этой культуры и литературы. *В период социалистической реконструкции* была раскрыта и разоблачена возглавлявшаяся буржуазно-националистическими элементами подпольная литературная группа «джидиган», которая ставила своей целью борьбу против политики партии в области литературы. Члены этой группы всеми путями стремились протаскивать буржуазно-националистическую идеологию в литературу. А полтора года назад разоблачено руководство Татарского государственного издательства, засоренное националистическими элементами.

Татарская детская литература до революции была насыщена исключительно религиозно-националистическими мотивами. *Поэтому из дореволюционных детских книг,* за исключением нескольких стихов Тукая, ни одну нельзя использовать как наследство. Да и после революции буржуазные националисты долго еще держались на этом участке. Потребовалась длительная и упорная борьба, чтобы очистить детскую литературу от бурьяна. В творческой продукции последних лет, особенно после решений партии и статей Алексея Максимовича о детской книге, есть ряд положительных произведений.

Как один из ярких положительных моментов в развитии татарской литературы можно отметить значительное расширение за последнее время изданий на татарском *языке лучших произведений русской* советской литературы. Издано несколько томов избранных сочинений Горького, выпущен ряд произведений **Фурманова, Серафимовича, Киршона, Фадеева, Гладкова, Афиногенова, Бедного, Маяковского, Безыменского, Тихонова, Либединского** и других. В настоящее время находится в печати «Энергия» **Гладкова**, «Поднятая целина» **Шолохова**, «Цусима» **Новикова-Прибоя** и ряд других. Проделана работа по переводу лучших произведений западных классиков. Исключительно плохо обстоит дело с переводом и изданием лучших литературных произведений других национальностей СССР. Нельзя удовлетвориться и результатами издания русских классиков.

О НАШИХ НЕДОСТАТКАХ.

Не могу обойти молчанием наши недостатки. Достижения социалистического строительства в городе и деревне, успехи ленинской национальной политики во всем их многообразии все еще недостаточно отображаются в татарской литературе.

Один из слабейших участков—критика. В дореволюционной татарской литературе критика находилась в зачаточном состоянии. О литературной науке, о литературоведении в подлинном смысле этих слов и говорить не приходится. За годы пролетарской революции выдвинулся ряд квалифицированных критиков и литературоведов. Работа их сыграла крупную роль в развитии татарской литературы. Но если сравнить татарскую критику с теми задачами, которые стоят перед ней, то приходится еще много пожелать критике в деле разоблачения враждебных рабочему классу идеологий в литературе, примиренческого отношения к классово враждебным проявлениям. А главное — нашей критике еще нехватает глубокого анализа художественных произведений. Слаба работа с начинающими писателями, работа по выдвижению и воспитанию новых писательских сил из рабочих и колхозников. Татарские писатели недостаточно занимаются глубоким, многосторонним изучением жизни. А без этого немыслим правдивый, художественный показ нашей действительности.

Недостатки большие. Они требуют неустанной работы как союза советских писателей Татарии в целом, так и каждого писателя в отдельности. Но победы социализма в нашей стране, то огромное внимание, которое уделяется партийной организацией Татарии вопросам развития татарской советской литературы, и наконец неразрывная связь татарской литературы с единой советской литературой, возглавляемой величайшим пролетарским писателем Алексеем Максимовичем Горьким, связь с той великой литературой, которой руководят коммунистическая партия и величайший ее вождь товарищ **Сталин**, являются лучшей гарантией дальнейшего, еще более бурного расцвета всех форм художественного творчества.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Освещать широкие, социалистические перспективы.

РЕЧЬ тов. ФАДЕЕВА.

Один из наших молодых специалистов, работающий на заводе «Господшипник» им. Л. М. Кагановича, тов. **Герасимов**, на вопрос, поставленный ему, кто из великих исторических людей прошлого больше всего ему нравится,—дал следующий ответ:

«Из великих исторических людей для меня **Леонардо да-Винчи** — самая интересная фигура. Читал про него много; это—гениальный человек. Он был действительно всеоб'емлющий гений — он и архитектор, и механик, и художник, и математик, при чем принцип летательного аппарата принадлежит ему. Произведения его на полотне до сих пор не забываются и не могут быть забыты. Ему принадлежит система орошения путем каналов, я ее сам видел в Италии.

У нас вот был **Ломоносов**, тоже разносторонний человек. Он для своего времени имел очень большое значение, но Ломоносов за последнее время перестал быть высотой, к которой мы стремимся».

Тов Герасимов имеет биографию, которая с точки зрения тех возможностей, которые предоставлял капитализм для выходцев из низов, является необыкновенной. Но для нашей страны его биография является типической биографией. Он начал работать по найму с 12 лет (год рождения 1906-й) был чернорабочим, а позже, при советской власти, увлекся конструкторской работой и стал инженером, побывал на практике за границей.

Его слово о Леонардо да-Винчи—не просто случайный отзыв одного из молодых специалистов, а это очень типичные высказывания. Ведь ежели мы ликвидировали гнет эксплуатации, национальный гнет, ликвидировали успешно фактическое неравенство между мужчиной и женщиной, то у передового человека нашей страны открываются перспективы, — он видит, что мы постепенно ликвидируем и другие виды идиотизма капиталистического общества. Он видит, что только сейчас человек *может развернуться во всей своей красе*, что человек имеет все возможности быть разносторонним, много знающим и много умеющим.

И не случайно советский инженер Герасимов обратил свои взоры к тем лучшим представителям старого общества, которые в тех условиях могли достичь культурных высот.

Когда сейчас расцениваешь успехи и недостатки нашей советской художественной литературы, то, конечно, видишь, что она стала большой силой. Если бы это было не так, то тогда бы мы не встретили такого исключительно теплого внимания, такой любви со стороны миллионных масс, рабочих и колхозников, которые мы имеем здесь на с'езде.

Основное качество нашей литературы то, что она в основе своей является уже социалистической литературой, служит делу утверждения новой, социалистической действительности.

И, читая высказывания т. Герасимова, видишь, что с точки зрения передовых людей страны мы не отвечаем еще очень большим потребностям читателей, с точки зрения перспектив мы, конечно, еще «литература в пеленках».

Какие недостатки имеются в нашей советской художественной литературе, которые присущи более или менее всем нам? Нашей литературе еще в большой степени присущи элементы описательства, я бы сказал, ей присуще копирование действительности. В наших произведениях недостаточно революционного полета, нет еще той революционной мечты, о которой писал Ленин. Мы еще не нашли тех монументальных, больших форм, в которых могли бы охарактеризовать эту революционную черту трудящегося человечества.

Когда я беру такое большое произведение, как «Бруски» **Панферова**, где собран, при всех недостатках этого произведения, огромный опыт наблюдения над историей развития деревни за последние годы, то в третьей книге «Брусков» я нахожу эпизод, как крестьянин-середняк, Никита Гурьянов, не желая итти в колхоз, сел на лошадь и поехал по всей стране искать места, где нет коллективизации, где нет индустриализации. Он побывал на Днепрострое. Ему там не понравилось. Об'ездил он большие пространства, побывал на юге. Везде, оказалось, происходит колхозное движение, строятся колхозы,—страна индустриализируется. Он клячу свою загнал, он сам отощал и вернулся обратно в свое село. В этот же период председатель колхоза возвращался из какой-то командировки на аэроплане.

Этот эпизод изложен в ряду других многочисленных эпизодов на нескольких страницах. Я задумался над ним и потом говорил и тов. Панферову и неоднократно говорил об этом на собраниях, что если бы хватило у любого из нас, не только у Панферова, — знаний, смелости и дарования, какую можно было бы совершенно замечательную вещь сделать из этого эпизода!

Я вспомнил о таком произведении мировой литературы, как «Дон-Кихот» **Сервантеса**. Ведь это произведение осталось в веках, его читают дети! Образ Дон-Кихота, этого представителя рыцарства, которого высмеивает Сервантес, образ этот пережил века, а, между тем, та историческая смена, которая происходила во времена Сервантеса, была куда менее значительна, чем тот всемирно-исторического значения переворот, который произошел в нашей деревне.

И если бы хватило смелости, таланта и знаний, то образ крестьянина Никиты Гурьянова можно было бы перенести в план,—*с точки зрения внешней, формальной*,—не реальный, план несколько условный. Можно было бы заставить его проехать нашу страну от Балтийского моря до Тихого океана, от Черного моря до Белого, заставить его встретиться с ударниками, колхозниками, учеными, с нашими летчиками, и через его путешествие дать как бы разрез всей страны, при чем социалистические элементы можно и должно было бы здесь увеличить, а его сделать, быть может, последним маленьким собственником на этой земле. Показать ему, что действительно другого пути, кроме колхозного, нет.

Мне кажется, что таким образом может быть создано монументальное по силе произведения, а с другой стороны, из этого можно было бы сделать детскую сказку, сделать этот эпизод сказочным, интересным и увлекательным для ребят. И читали бы это произведение дети, и хотя это была бы сказка, но по существу — самая настоящая реальность.

Ведь дело в том, что социалистический реализм не обязательно подразумевает *именно копирование, повторение действительности и бытовых деталей*. Социалистический реализм в самых основных своих возможностях предполагает большой полет фантазии. Он предполагает какие-то, на мой взгляд, более синтетические, более монументальные формы, и с этой точки зрения, конечно, наша литература на эту новую, более высокую ступень синтетичности и монументальности еще не вступила.

Лучший художник прошлого—**Бальзак**, которого Маркс называл доктором социальных наук. Как он в своей философской вещи «Неведомый шедевр» замечательно устами старика-художника говорит об искусстве: «Задача искусства не в том, чтобы копировать природу, но в том, чтобы ее выражать. Ты не жалкий копиист, но поэт. Попробуй, сними гипсовую форму с руки своей возлюбленной и положи ее перед собой, — ты увидишь ужасный труп без малейшего сходства, и тебе придется искать резец и художника, который, не давая точной копии, передает движение жизни». Нам надо схватывать самую жизнь, *облик вещей, облик чувств и впечатлений*.

И вот требование правдиво передать именно основной смысл происходящих событий, не обязательно копируя и повторяя жизнь как таковую,—это несомненно формулировка социалистического реализма, и мне кажется, что это есть, пожалуй, главное, чего пока еще нехватает нашей советской художественной литературе.

Я целиком и полностью подхватываю и поддерживаю то *положение* в выступлении **Вс. Иванова**, что мы недостаточно научились изображать характеры. Это совершенно верно, и это тем более непростительно нам, что мы живем в такую эпоху, когда, в сущности говоря, огромное, невиданное никогда в истории новое количество новых характеров, личностей было поднято и все более поднимается над многомиллионными массами нашей страны.

Ведь когда любой из нас присутствует где-нибудь на заседании бюро партколлектива или на заседании фабкома, он видит, как люди именно потому, что они чувствуют и завод и предприятие общественной собственностью, своим предприятием, превращают какой-нибудь спор из-за технических неполадок в спор, куда люди вкладывают огромный темперамент, огромную страсть. И это можно видеть каждый день. Возьмите, например, наш с'езд, возьмите, скажем, выступление колхозницы, которая нас приветствовала, — бесстрастная женщина, невероятно мужественная,—*пришла, рассказала о своих колхозных делах*, пред'явила свои упреки советской литературе исключительно смело, прямолинейно.

Очень сильные характеры, новые отношения рождаются у нас. Я, скажем, беру проблему дружбы. Никогда мир не вынашивал такого содружества, такого коллектива, каким является наша партия, или, скажем, содружество ударников в бригаде. Мы видим какие-то новые формы дружеских отношений между людьми, прозрачные формы отношений.

Каким исключительным, новым видом дружбы связаны между собой вожди нашей партии! Эти люди связаны очень мужественной, очень принципиальной, железной дружбой. Это такой коллектив, который, конечно, выковывался в течение ряда лет и даже десятилетий. Конечно, такого коллектива никогда до этого не было и не могло быть. Это только наша страна рождает такую форму коллективизма, такую форму коллективных отношений, и все это мы наблюдаем повседневно вокруг себя, но не научились еще этого выражать.

Несомненно, нашей литературе нехватает изображения больших, трудных, цельных характеров, которые все в большем и большем количестве и масштабе выдвигаются рабочим классом и крестьянством.

В изображении героя многие из нас еще не освободились от схематизма, зачастую мы подаем каких-то нарочито созданных людей в нарочито созданных обстоятельствах. Особенно присуще это нашей драматургии. Во многих пьесах, которым присущ этот схематизм, мы в начале пьесы уже знаем, чем кончится. Фигуры расставлены, как на шахматной доске. От этого не свободны пьесы и таких драматургов, как Киршон и Билль-Белоцерковский. И схематизм свойственен не только драматургии, он есть у нас и в прозе и в поэзии.

Создать настоящий характер можно только исходя из живой жизни, а если исходить только из статей, из книжных резолюций, то характера дать невозможно. Резолюция сама по себе является конденсацией опыта. Но если мы не изучим жизнь, а *просто приделаем бедняку рыжую бороду*, а кулаку толстый живот, или используем так называемые художественные детали и будем просто перелагать резолюцию на язык якобы художественных образов, то, конечно, это по существу не будет настоящим искусством.

Пусть наша критика, намечая путь нашего дальнейшего развития, не стремится устанавливать догмы, пусть она больше опирается на собственную нашу практику и направляет развитие литературы таким образом, чтобы всемерно призывать к оживлению тематики, к поискам нового, а не сосредоточивать внимание на каком-либо одном положении.

Замечательное положение было высказано Алексеем Максимовичем в его статье, напечатанной в свое время в «Правде»,—«Разговор с молодыми» (и в докладе его с'езду), когда он характеризует старый реализм как реализм критический и наш социалистический реализм как реализм, утверждающий новую, социалистическую действительность.

Но мне кажется, что уже статья тов. **Добина в № 4 альманаха «Год 16-й»**, которая просто определяет наш социалистический реализм как реализм героический, как реализм, изображающий нового героя,—эта статья схематична, потому что социалистический реализм, утверждая новую, социалистическую действительность, в то же время является наиболее критическим из всех реализмов.

Я думаю, что нашим критикам нужно меньше догматизировать, больше опираться на практику и открывать нашей литературе, теоретически освещать, большие, широкие социалистические перспективы. **(Аплодисменты).**

О ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

РЕЧЬ тов. ПЕТРО ПАНЧ.

Комсомольцы и рабочая молодежь автозавода им. **Сталина** пред'явили писателям пролетарский счет — создать образ героя нашего времени.

В нашей литературе еще нет таких героев, каких уже создала советская действительность. Если это справедливое обвинение заслуживает русская советская литература, которая рядом хороших книг завоевала роль ведущей, то это еще в большей мере относится к литературе других республик Союза.

Буржуазная литература богата различными героями, но мобилизующую роль играла только та, которая приносила с собою *свежие идеи и мысли*.

Несмотря на богатство героями и даже в некоторых случаях на идейную прогрессивность, создать положительного героя буржуазной литературе так и не удалось. Только советская литература может создать настоящих положительных героев. Порчас мы их уже имеем, например, в романе **Ильина** «Большой конвейер», в «Дороге цветов» **Валентина Катаева**, у **Ильи Эренбурга** в «Дне втором», в «Чудесном сплаве» **Киршона**, у **Микитенко** в пьесе «Девушки нашей страны», у **Леонова** в «Скутаревском», у **Александровича** в пьесе «Напор», у **Кузьмы Черного** в пьесе «Батьковщина», у **Копыленко** в романе «Рождается город» и во многих других произведениях. Но таких произведений, которые бы волновали, захватывали читателя, таких образов героев, которые бы заставляли подражать им, — таких еще очень мало. Это значит, что основные требования социалистического реализма на этом тематическом участке остаются невыполненными.

Какая этому причина? Советская действительность создала столько и таких героев, каких не знала еще ни одна эпоха. Нельзя отказать многим нашим писателям и в мастерстве. Ведь советская-литература завоевала себе *симпатии* читателей не только в нашей стране, но и далеко за пределами Союза. Она нова, оригинальна, насыщена социальным содержанием. И все-таки мы еще не можем похвалиться таким художественным образом героя, имя которого стало бы нарицательным.

Образы героев классической буржуазной литературы были как для авторов, так и для общества образами, еще стоящими у ворот эпохи. Советский же писатель дышит и работает вместе со своими героями. В массе герои познаются ранее, чем они появляются в художественном произведении. Каждый такой художественный образ героя напоминает читателю о том, что он сам хоть частично делает то же самое и делает просто, обыденно, как делали это наши герои Союза—**Каманин, Молоков** и другие. Вот первое осложнение, которое испытывают герои наших произведений при встрече со своим читателем.

Есть и другая причина. Рисуя положительные типы, мы стыдливо умалчиваем о неизжитых еще ими остатках индивидуализма, мещанства, и получаются ходульные герои.

Новый человек социалистического общества уже рождается. Этот человек уже входит в жизнь твердой и решительной поступью, *завоевывая ее, он стал уже идеалом миллионов*.

Какими качествами он наделен? Сознательный участник социалистической стройки, неустрашимый, высококультурный, физически крепкий и выносливый носитель интернациональной солидарности.

Конечно, это грубая схема. От взаимоотношения частей и чувств будут рождаться новые отношения и новые качества чувств.

Тот писатель, который сумеет уже сейчас показать это новое качество чувств и отношений, создаст произведение, какого ожидают от нас массы. **(Аплодисменты).**

ИЗ РАБКОРОК ВЫХОДЯТ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ.

РЕЧЬ тов. НОВИКОВОЙ-ВАШЕНЦЕВОЙ.

— Я счастлива, — заявила она, — что именно мне выпало на долю приветствовать с'езд от имени работниц-рабкорок и начинающих писательниц. Ведь всесоюзный с'езд писателей — большое событие мирового значения. Он является показателем роста социалистической культуры в стране, которая еще так недавно была культурно отсталой.

Особое значение имеет с'езд для начинающих писателей. Каждый учтет свои силы и способности владеть художественным словом, учтет и те невиданные возможности на литературном пути, которые даны революцией.

Многие советские писатели вышли из рабкоров. С большим жизненным опытом описаны ими в романах и повестях многострадальная старая Россия, война и революция. Из рабкоровских кружков выходили талантливые журналисты, руководительницы газет, руководительницы литературных кружков, писательницы. Памятны мне *из крестьянок*: **Клавдия Щербакова, Катюша Холина, Лиза Черняк, Ксения Быкова, Елена Чернышева.**

До революции я никогда не думала, что смогу быть писательницей. На 64 году жизни я потянулась за другими рабкорками и от малых заметок в журналах перешла к рассказам. У меня появилась непреодолимая потребность писать о теперешней жизни, об огромных радостях ее, о женской судьбе до революции и сейчас.

Прошу всесоюзный с'езд писателей принять мой сердечный привет старой рабкорки, ныне 74-летней пролетарской писательницы, автора трехтомной повести «Маринкина жизнь» с предисловием **Алексея Максимовича Горького. (Продолжительные аплодисменты).**

Наши возможности неизмеримы.

РЕЧЬ тов. ФЕЛИКСА КОНА.

Уважаемые товарищи! Разрешите приветствовать вас от Общества бывших политкаторжан, от тех революционеров, которые были у колыбели рабочего движения, через тюрьмы, этапы и каторгу пронесли красное знамя революции и сегодня являются активными борцами за социализм. **(Громкие аплодисменты).**

Если нам после десятков лет пребывания в тундрах Сибири, на каторге, Шлиссельбурге, Акатуе удалось сохранить силы для борьбы, то это исключительно потому, что мы чувствовали себя членами великого рабочего класса. Чувствовать себя членом рабочего класса — это значит жить жизнью этого класса, жить той ненавистью к капитализму, которую он питает.

Сейчас мы видим то, о чем говорил Ленин еще задолго до революции: «Творческих сил пролетариата мы еще не знаем. Мы увидим их, ощутим их, когда пролетариат сбросит иго капитализма».

Многие из вас упоминали здесь о челюскинцах, о завоевателях стратосферы и о целой массе других явлений, которые поражают мир. Но это только начало того, что могут совершать наша великая страна, ее люди.

Когда я слышал здесь выступления национальных писателей, представителей раньше забитых и загнанных народов, слышал здесь колхозницу, рассказавшую про былое, мне невольно вспомнились первые годы революции, вспомнилось, как тогда на всех перекрестках говорили, что большевики изничтожат культуру, цивилизацию, уничтожат все. Не напоминает ли это вам, писателям, известную сказку Андерсена про утенка? В этой сказке говорится про отучневших уток, которые были шокированы тем, что на их птичьем дворе появился какой-то дикий утенок. Оказалось, что этот утенок расправился, оказался величественным лебедем и вспорхнул в высоту.

Позвольте пожелать от старых революционеров, чтобы вы создали такие произведения, которые показали бы всему миру, что только идя по пути, по которому ведет коммунистическая партия, мир может освободиться от трижды проклятого капитализма. **(Аплодисменты).**

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

И. ЭРЕНБУРГ.

То в лад, то невпопад и славя и кляня,
Он создал «День второй» в конце второго дня...
Роману этому виной
Двухдневное знакомство со страной.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Форма, язык, герой.

РЕЧЬ тов. ЛИДИНА.

Должна ли советская, самая передовая и социалистически устремленная литература иметь свой особый, но общий стиль? Я думаю, что должна.

Отличие от других литератур выражается не только в тематике, но и в том, что приемы выражений должны обладать особой экспрессией. Усвоение классического наследства никак не подразумевает слепого подражания старым образцам.

И здесь я бы погрешил в отношении искренности, если бы не сказал, что наша проза не только зачастую не переработала классического наследства, но и эпигонствует иногда. На самом деле, нельзя в стиле «Неточки Незвановой» излагать судьбу и поступки комсомолки, и нельзя в многотомьи «Войны и мира» искать оправдания своему собственному неумению говорить лаконично и выразительно. Многотомье и эпопейность многих современных книг об'ясняются не столько обилием материала, который подавляет художника, сколько неумением строить вещь. В этом рыхлом многословии тонет основная архитектура: *не видишь контуров, не получается стиля*. А стиль в изобразительном искусстве — это замысел. Следовательно, теряется представление и о замысле.

Отсюда — обеднение в отношении философского смысла. Надо сказать, что философское начало должно быть присуще каждому художнику, — ибо вещь без философского ключа не заводится, — но это философское начало считается многими нашими писателями необязательным.

К сожалению, вопросы формы не всегда *в достаточной степени занимают наших* прозаиков и критиков.

Если форма — это архитектура здания, то язык — это темп и качество самой работы.

Я хочу говорить о двух разновидностях языка — о языке штампованном, сером, и языке нарядном.

Наш рабочий настолько вырос в отношении своих культурных потребностей, что он уже не довольствуется стандартами Москошвея, а требует индивидуальной пошивки костюма. За эту индивидуальную пошивку все последние годы велась борьба. Тем более это применимо в отношении литературы. Индивидуальность писателя—это его язык, его стиль, которые обнаруживают автора, если под вещью даже нет подписи. А между тем, у нас есть еще не мало писателей, которые никак не заботятся о собственной индивидуальности, а пишут серым языком Потапенко и Салиаса.

Борьба за качество—это борьба против серой, штампованной литературы. Эта борьба должна заставить многих задуматься над тем, что делать литературу нелегко и ответственно, что книги надо писать, а не набрасывать, что язык у писателя должен быть свой, неповторимый, и что здесь тематика не спасет.

Это применимо и к той категории писателей, которые весьма любят говорить красиво. Нарядный орнамент, пышная и риторическая романтичность, обилие сравнений и метафор — в ущерб все тому же философскому смыслу вещи, для выражения *которого нужны простота и экономия*. Эти два спутника — лучшие друзья писателя. Простота, как известно, есть высшее искусство, и мастер находит себя тогда, когда обретает, наконец, эту выразительность простоты.

Я хочу сказать еще о герое и об авторе. Наших писателей нельзя обвинить в отсутствии внимания к жизни, в малоподвижности, в застойности жанров. И вместе с тем основной герой эпохи не найден. Пятилетка, а скоро уже и вторая пятилетка, дала нам образы, ставшие уже типическими: образы ударников, технической интеллигенции, коммунистов-хозяйственников, новые категории людей, которых уже не наделить привычным интеллигентским миросозерцанием. Литература не отразила еще их в той степени, в какой они выражены в жизни.

Здесь происходит, на мой взгляд, следующее: герои требуют классового обоснования. Герои не только принадлежат к той или иной категории, но и занимают те или иные позиции в классовой борьбе. Без этого не может быть героев и без дыхания этой борьбы не может быть большой литературной вещи. **Самосознание художника требует точного определения, какую позицию занимает он сам, автор, во взаимоотношениях своих героев.** Нет равнодушного чтеца, ведущего спектакль. Его холодный, риторический голос становится реакционным голосом, если чтец будет стараться остаться в стороне от страстей, на эпи*ческой высоте «художника»*.

Но для литературного произведения одного идейного самоопределения автора недостаточно. Оно одушевлено героями. Герои должны двигаться, жить, они должны соединять в себе те типические черты, которые делают их прообразом героя нашего времени. Схема же мстит. Непрочный материал тускнеет и рвется. Умирают книги, написанные без страсти, умирают выдуманные герои. **В наше время нельзя писать книги без ненависти к прошлому и без страстной любви к настоящему.** Революцию нельзя похлопывать по плечу, надо с ней итти. Но этого, к сожалению, не понимают еще некоторые из нас.

У нашей литературы есть все возможности преодолеть трудности в отношении формы, языка и изображения человека нашей эпохи. Надо только, чтобы все эти вопросы были предметом постоянного производственного обсуждения между писателями и чтобы критики были действительно прорабами и организаторами работы, а не теми людьми, которые на стройке не только *не знают иногда*, что им делать, но и мешают работе других.

Время, когда писатель держал экзамен перед одной только критикой, прошло. Ныне он держит **экзамен перед всей страной**, перед огромным читателем. Будем же достойны этого нового, замечательного, внимательного и благодарного за каждую художественную радость читателя. **(Аплодисменты).**

МОЛОДЫМ ПИСАТЕЛЯМ НАДО ПОМОЧЬ.

РЕЧЬ тов. АВДЕЕНКО.

Несколько лет назад я сидел в тюремной камере в Оренбурге. Со мной сидел товарищ. И вот он попросил меня, — сам он был неграмотным, — написать письмо. Я написал письмо, прочел его, и он плакал.

Это было мое первое литературное произведение. И тогда, в те дни, я думал, что если бы показать это письмо **Алексею Максимовичу**, он тоже заплакал бы над ним.

Позавчера вечером я вспомнил о письме, написанном в тюремной камере, когда Алексей Максимович, слушая приветствие пионеров, заплакал. Мне в моей беспризорной и несчастной жизни, а потом в воровской жизни, не приходилось плакать. Я помню, что меня избивали до смерти на горловском базаре — был самосуд; в Ленинграде, на Литейной улице, я отморозил себе ноги, — милиционер подобрал меня, но никогда у меня не было слез, а позавчера я стоял и тоже плакал.

У меня раньше была такая жизнь, что я смотрел на людей и их не видел. Я жил в этом мире, в мире людей, как зверь, — я мог бы перерезать горло другому, пойти на самое ужасное преступление. Смерть не была каким-то пугающим меня словом. Нет. Мои товарищи и я брались за самые отчаянные дела, угрожающие смертью. Мы не думали о жизни больше чем на один день, даже больше чем на один час.

Но, когда заплакал Горький, и сзади меня еще заплакали, я подумал, что мне страшно хочется жить. И мысли пошли у меня не десятилетиями, а столетиями. Мне страшно захотелось жить. Самая большая радость была у меня в тот момент.

В перерыве я пошел в коридоры, встретился со многими товарищами и спрашивал: что замечательного было, какая речь была хороша, что понравилось им? Мне отвечали, что **Эренбург** сказал хорошо, что **Чуковский** *сказал хорошо*, и совсем вскользь говорили о выступлении пионеров. Мне было страшно обидно, потому что это был самый замечательный факт, который произошел в тот вечер. **Тогда раскрылось будущее.**

У меня много грязи. И вот я почувствовал сразу всю грязь и мог бы прямо нащупать, где эта грязь имеется. Пионеры... слово «святые» здесь не подходит, но насколько они чисты, насколько хотелось быть таким, как они! Но никто мне не сказал этого. Это было равнодушие. Многих писателей не потрясла эта пионерская демонстрация здесь.

Я не хочу читать нравоучения. Я—новый человек в литературе, и как человек с воздуха, я вошел в комнату и почувствовал запахи и все оттенки этих запахов. Так что это не нравоучение, а просто впечатления свежего человека. Не знаю, насколько они ценны.

У нас нет такой жадности к жизни, чтобы броситься к жизни и щупать, изучать, смотреть на нее жадно.

О подготовке молодых кадров. Вот у партии есть комсомол, у комсомола есть пионеры. Есть ли у старых писателей такая планомерная подготовка кадров, такая учеба, чтобы можно было сказать, что на смену старым мастерам идут новые, молодые силы?

В личных беседах все говорят, что Смеляков — талантливый. Почему бы не дать ему 3—5 учителей, почему не посадить его в железное кольцо учебы? *Ведь он—советский человек*. Когда на производстве зарывается ударник, его ставят в жесткие условия, а писатель так и остается предоставленным самому себе.

У меня страшно много мыслей, но никто со мной не говорил. Вот Алексей Максимович находит время, чтобы поговорить со мной, а другие нет.

Мне хочется написать о шахтере. Мы сейчас живем в очень хорошее время. Завершен переход от рабского труда к счастливому труду, который превращается в искусство. Я хочу написать о том, как изменяется отношение человека к труду. Вообще, если я буду писать, то только о труде. И вот мне хочется, чтобы кто-нибудь помог мне. Но никто не помогает. Появится второй или третий Авдеенко, но судьба у них будет такая же, и я прошу с'езд задуматься над этим.

Я видел молодых писателей, молодых поэтов. Они все время зря околачиваются в Доме писателя и в оргкомитете. Нужно талантливых молодых писателей втянуть в кипучую жизнь нашей страны. Но этим оргкомитет не занимался. Я надеюсь, что правление союза займется этим вопросом.

Нужно сказать, что и старые писатели очень много времени тратят непроизводительно. Сколько времени они тратят на напрасные разговоры.

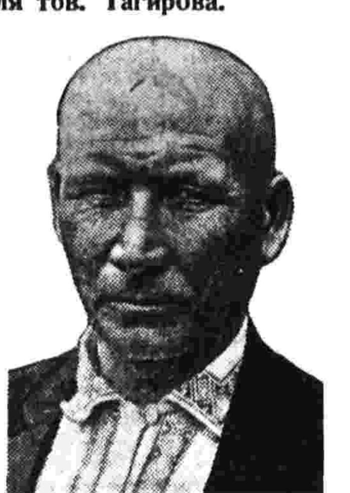
Мне нужно сделать страшно много, если я хочу быть настоящим писателем. Мне нельзя потерять ни одного дня. Мне нужно учиться. И в этом нам, молодым писателям, должны помочь старые писатели.

Я приехал на этот с'езд с большой творческой радостью, а уеду с этого с'езда с еще большей творческой радостью. **(Аплодисменты).**

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Революция создала наш литературный язык.

Речь председателя ЦИК Башкирии и крупнейшего башкирского писателя тов. Тагирова.

Колониальный грабеж со стороны хозяев «единой и неделимой», 95 процентов неграмотных среди башкирского населения, отсутствие письменности, литературного языка, господство суеверий, знахарства и вымирание башкирского народа — такова была «культура» царских «цивилизаторов».

Только Октябрьская революция, только диктатура пролетариата, разгромив всех врагов трудящихся, создала необходимые условия для развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Тов. Тагиров нарисовал красочную картину того, как бывшая колония царя в условиях диктатуры пролетариата превратилась в республику с развитой промышленностью, социалистическим сельским хозяйством, в республику почти сплошной грамотности, как поднялся культурный уровень трудящихся Башкирии.

Велики успехи художественной литературы башкирского народа.

Достаточно назвать имя **Гафури** с его произведениями «Ешче», «В руднике поэта» и «Красная звезда», **Янибы**, написавшего «Страну победителей», поэта **Ишмигулова**, прозаика **Давлетшина**, давших немало крупных художественных произведений, чтобы убедиться в росте башкирской литературы. Выросла и большая группа молодых прозаиков, поэтов и драматургов: **Марат, Идрисов, Кулибай, Мифтахов, Салям.**

Постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 г. создало благоприятную творческую обстановку для всех тех писателей, которые стоят на платформе советской власти. Здесь нельзя не упомянуть о роли тов. **Фадеева**, который, находясь в Башкирии, проделал большую работу по воспитанию наших молодых писателей. Нельзя не упомянуть о руководстве оргкомитета и о его бригаде, которая проделала громадную работу и помогла установить конкретные творческие пути развития советской литературы.

Художественная литература советской Башкирии росла, однако, в борьбе, разоблачая националистические идеи, громя контрреволюционные националистические литературные организации. Нам пришлось вести непрерывную борьбу против идеологии литературной организации «тулкун», организации националистской, которая стремилась замкнуть башкирскую литературу внутри себя и боролась против советизации литературы, восхваляя феодально-патриархальные отношения в деревне.

Пришлось также вести борьбу против «усю» — троцкистской литературной организации. Борьба велась и против идеологии султангалиевщины в литературе, которую проповедывала организация «джиган». Все эти литературные организации, как бы они себя ни называли, ставили своей основной задачей борьбу против ленинского интернационализма и работали на буржуазию, на национализм.

Недавно в Башкирии выступила небольшая группа лиц, не понявших необходимости изменить устарелую орфографию и отрицавших важность развития башкирского литературного языка.

Нельзя не отметить, что среди растущих молодых поэтов, прозаиков и драматургов башкир *имеются уже десятки женщин.*

К недостаткам нашим надо отнести то, что мы еще не достигли в башкирской литературе высот художественного качества. Наша литература еще отстает от темпов социалистического строительства.

Некоторые наши молодые писатели рассуждают так: я, мол, выходец из угнетенной нации, бедняк. С меня нельзя требовать высокого качества, мастерства. Это — грубая ошибка, которая вредит делу, вредит нашей литературе.

Создание высокохудожественной литературы на башкирском языке затрудняется тем, что до Октября мы не имели своего литературного языка. На первом башкирском с'езде советских писателей мы поставили себе задачу учиться у **Маркса, Ленина, Сталина и Алексея Максимовича Горького**, овладевать классическим литературным наследством всех народностей, непрерывно участвовать в нашей великой стройке.

Создать национальную по форме и социалистическую по содержанию высококачественную художественную литературу — задача, трудная, но почетная. В докладе тов. Горького дана программа действия, указаны творческие пути. Я уверен, что под руководством партии и великого **Сталина** мы с этой задачей справимся и дадим произведения, достойные великой социалистической эпохи. **(Аплодисменты).**

Путь на Биробиджан.

Тихий вечер, червонным сияньем сочась,
Над далекой Москвой опустился сейчас...
Блещет Красная площадь — зеркально светла,
С зеркалами плакатов — витрин зеркала,
И суровый гранит, как у моря скала...
Вот — Михайло-Семеновск, а дальше Амур...
В дымке стрельчатых сопок рассвет белокур...
К отдаленнейшей точке советской земли
Под'езжает тележка, и вот уж вдали
Очертанья границы канвой расцвели...
Я в'езжаю в поселок. Навстречу — крыльцо.
Дрожжевою опарой пахнуло в лицо.
Сизой тучкой дыханье летит в высоту.
Пограничники молча стоят на посту.
Я приветствую утро, его чистоту.

Пусть стоят пограничники в шубах до пят,
Крепко держат винтовки, на солнце глядят,
И от солнца по-детски их жмурится взгляд!
Лишь вчера здесь гремели на сотни ладов
Голубые квадраты и конусы льдов,
А сегодня Амур и прозрачен и сед...
Опрокинулись вглубь с туманом вослед
И осенняя ночь, и осенний рассвет...
И стоит пограничник с винтовкой в руке,
Сопки мглистой Манчжурии — невдалеке.
Он глядит, и к нему, как безмолвный ответ,
Из-за сопок Манчжурии движется свет.
Стража нашей страны у границ залегла.
На Востоке светает, на Западе мгла...

С. ГАЛКИН.

Перевел с еврейского ОС. КОЛЫЧЕВ.

Дать подлинно научно-художественную книгу.

РЕЧЬ тов. ИЛЬИНА.

Здесь, на трибуне с'езда, мы видели людей 60-х и 70-х годов, только не прошлого века, а нашего века. Мы видели людей будущего. Сейчас они носят красные галстухи и называются пионерами, а через 20 или 30 лет они, или миллионы таких, как они, будут хозяевами земли. Мы смотрим на них с удивлением, на этих людей, так непохожих на нас. Как просто и свободно они говорят с нами, как дружно и хорошо они умеют жить коллективом. Даже книгу написали все вместе, целым отрядом, целым коллективом.

Большая честь и большая ответственность писать для них, для людей будущего. О чем же писать для них? Они говорят нам — покажите нам весь мир, расскажите нам обо всем на свете. Шутка ли, рассказать обо всем на свете, показать весь мир. А сделать это надо. Нужно распахнуть дверь в мир перед этими отрядами людей будущего.

Мир волнует нас, потому что мы сами всем многомиллионным коллективом участвуем в его перестройке. Прежний человек — это зритель, сидящий, сложа руки, на стуле, а мир проходит перед ним, как на экране. Новый мир — сам на экране. Человек не сидит, сложа руки, он — самое активное действующее лицо в великой задаче перестройки мира.

Зритель превращается в строителя, поэтому на место описания в новую книгу приходит действие. Сюжет возникает из самой жизни, а не выдумывается искусственно. Каждая вещь оказывается проблемой. Беспристрастный тон наблюдателя сменяется взволнованным тоном участника: выйдет или нет.

Много раз говорилось, например, о пустыне или о реке Аму-Дарье. Сегодня я разговаривал с проф. **Цинглер** — автором обводнения Западной Туркмении. Он мне рассказывал об Аму-Дарье и говорил, что эта удивительная река течет то в одно море, то в другое, периодически изменяет направление своего течения. Сейчас она течет в Каспийское море, 500 лет назад текла в Аральское море и т. д. Он говорил, как этот любопытный механизм природы — в прежней книге о нем было бы рассказано, как о курьезе, — можно заставить служить социализму. Река сейчас неустойчива. Аму-Дарья готовится прорвать препятствие на пути к Каспийскому морю и ринуться в другую сторону, ринуться и оросить Туркмению. А вода там страшно нужна. Когда пароход не привезет воды или завод остановится (там есть завод, на котором *из соленой воды добывают* пресную воду), тогда на наразане варят кашу, — так нужна там вода. Она нужна не только железным дорогам, не только городу, она нужна Нефтедагу, нефтяным промыслам.

Природа так устроена, что вот-вот вода потечет туда, но ждать нужно 100 лет. Это не много для природы, но много для людей. Мы жить 100 лет, к сожалению, не будем. Нам нужна вода сейчас. Как же тут быть? Оказывается, что можно помочь реке прорвать препятствия. Тут нужна только небольшая деревянная плотина, стройки тут не нужно, а в пустыне самое трудное — это стройка. Надо пожалеть людей. Стоит нарастить небольшую плотину — и 100 лет превратятся в 5 или в 6 лет.

Это — один из примеров того сюжета, которым может воспользоваться автор научно-художественной книги, ибо судьба реки, судьба природы, судьба вещей связана с судьбой человека и с судьбой социализма. Это не просто курьез — река, которая течет то в одно, то в другое море. Это важно для людей, которые живут в той стране. Тут есть горячая заинтересованность в изменении природы. Значит, во всем новая научно-художественная книга должна быть отлична от прежней.

Это значит — я хочу это подчеркнуть — сделать вещь еще небывалую: вовлечь в художественную литературу материал науки, огромный познавательный материал науки.

До сих пор мы пользуемся еще прежними знаниями. До сих пор мы знаем еще очень мало о мире. Обогатить наш язык и литературу сможет наука, если мы сумеем овладеть ею для литературы.

И надо помнить, что только художественный метод может действительно дать нам то, что нужно, потому что только художественный образ входит в плоть и кровь человека. У нас уже есть несколько таких книжек. Начало положено, положено оно писателями для детей, и теперь главное — не снижать требований, ни в коем случае *не снижать требований* к научно-художественной книге, не подменять ее прежней описательной книжкой, книжкой-компиляцией, смесью из журнала «Нива».

Каковы бы ни были трудности, я убежден, что научно-художественная литература и для детей и для взрослых будет создана, и именно в нашей стране. Советский флаг над этой новой областью литературы уже поднят. Пока еще эта область литературы — необитаемый остров, вернее, она недавно была еще необитаемым островом. На этом острове — в этой области литературы только несколько поселенцев. Но я верю в то, что высадятся и другие на этот остров, что придут на него писатели, и мы будем вместе работать над созданием новой научно-художественной литературы.

С научно-фантастической книгой у нас плохо. Что делают авторы такой книги? Они произвольно на всякие лады комбинируют уже известные факты. Вы находите у них на Венере ихтиозавра, на Сатурне — в домах ванны из розового мрамора, а земля 2000-го года похожа на выставку новейших изобретений.

Не такой должна быть научно-фантастическая книга. Подлинная научная фантастика должна быть основана не на произвольном комбинировании известного, а на том, чтобы вывести неизвестные следствия из новых условий. И прежде всего это применимо к книге о будущем. Со всех сторон мы слышим голоса — дайте книгу о будущем. Это не случайно. Это — факт огромной важности. Когда человек идет по лестнице, ему надо видеть ступеньку, чтобы *поставить на нее ногу.* В то время как фашистская Германия пытается опереться на прошлое, на звериное прошлое, когда звероподобные варвары ордами ходили по Европе, мы хотим опереться на будущее.

Но как его узнать — это будущее? Был когда-то математик **Лобачевский.** Он ввел в геометрию новый постулат, новые условия, и от этого вся геометрия перестроилась. Лобачевский создал мир, отличный от нашего, но этот мир был только воображаемым миром. Сейчас на наших глазах в число основных аксиом и постулатов мира, не на бумаге, не в воображении человека, а в действительности, введено новое условие. Это условие — социализм. Мы еще не знаем всех следствий, которые жизнь выведет из этих условий, но разве не интересная задача — попытаться вывести эти следствия?

В этом одна из важнейших задач научно-фантастической книги.

Тов. Ильин призывает писателей внимательнее прислушаться к голосам тех, для кого они работают, и дать им подлинно-научную и подлинно-художественную книгу. **(Аплодисменты).**

„Человека воздуха“ больше нет.

РЕЧЬ тов. ФЕФЕРА.

Я счастлив, что могу с этой ответственной исторической трибуны заявить — еврейская советская литература вместе со всеми литературами народов Союза открыла новую страницу в истории еврейской литературы.

Еврейская поэзия, которая является ведущей в еврейской литературе, насчитывает уже целый ряд видных мастеров, известных и не еврейскому читателю. Нашу поэзию поднимает на высокий уровень большое лирическое дыхание такого поэта как **Изи Харик**, темпераментные яркие стихи **Маркиша**, мастерство лирической миниатюры **Давида Гофштейна**, крепкое слово **Квитко, Кульбаха**, культурная правда, временами холодная строфа **Хащеватского**, своеобразный поэтический строй **Финиберга**. Голос еврейской советской поэзии во всем хоре нашей советской поэзии звучит гордо и высоко. Палитра наших поэтов чрезвычайно разнообразна.

Голос советской поэзии никак нельзя сравнить с ломаным голосом дооктябрьской еврейской поэзии, или с больным голосом большинства еврейских поэтов, живущих в капиталистических странах. **Бодрость и оптимизм** — вот характерные черты еврейской советской поэзии.

Но и еврейская проза, которая отстает от поэзии, уже насчитывает ряд видных произведений. В нашей прозе в последнее время заговорили новые люди, появился тип нового человека. «Человек воздуха», *который* так замечательно был дан гением **Шолома Алейхема**, исчез, его нет в нашей литературе. Этих старых образов вы не найдете ни у одного из наших советских еврейских прозаиков, которые уже дали ряд ценных произведений, как например, **Альбертон Годинер, Ноте Лурье, Орланд, Абчук, Рабин, Нистер.**

Во главе нашей прозы стоит крупный мастер **Давид Бергельсон.** Он ведет нашу прозу вперед. Он, например, дал такое замечательное произведение советской прозы, как «У Днепра». Это произведение является крупнейшим, самым видным произведением еврейской советской прозы.

Ломаные, разбитые, угнетенные и придавленные люди, которые стояли в центре дооктябрьской еврейской литературы, больше не герои еврейской советской литературы. Герои советской еврейской литературы — их сыновья и дочери, которые стали шахтерами, металлистами, колхозниками.

Нашу литературу читают, любят не только в пределах, но и за пределами Советского Союза. Пьесы **Бергельсона, Даниеля Вевьерка, Маркиша, Кушнарева** идут с большим успехом в театрах Нью-Йорка, Парижа, Буэнос-Айреса. Песни **Харика, Гофштейна, Маркиша, Квитко** распеваются решительно во всех странах, где живут и работают еврейские рабочие.

Большую роль в борьбе за новую еврейскую социалистическую литературу сыграла марксистская критика. Здесь несомненны заслуги **Литвакова, Бронштейна, Дунца, Добрушина, Эрика.** Сейчас выдвигается новый критик **Гольдес.**

Еврейская критика отстает так же, как и вся советская критика. Однако, несмотря на все недостатки, которые имеются в нашей литературе и критике, я могу смело сказать, что еврейская литература ни одной капиталистической страны не может сравниться с уровнем еврейской советской литературы.

В нашей литературе много недостатков. Основной недостаток в том, что временами мы пишем скучно и мелко, а ведь мы не имеем никакого права писать скучно о нашей живой, красочной и интересной жизни.

Наше слово должно стать богаче, наши образы ярче, темы должны быть глубже освещены в наших произведениях, чем это было до сих пор.

Но все же, при всем этом крупнейшие еврейские мастера слова, работающие в капиталистических странах, не могут сравниться с уровнем нашей литературы. Такой мастер в прошлом, как **Шолом Аш**, перешел теперь на новый жанр — на бульварный роман. **Бялик**, крупный талант в прошлом, в течение последних двух десятков лет ничего не дал. Перед смертью он заявил, что гитлеризм является спасением, а большевизм — проклятием еврейского народа.

Или вот, например, **Дойвик**, символист, — он повторяет самого себя. В последнем своем стихотворении он пишет о том, что он стоит под серебряной луной с ножом и не знает, как ему быть — кончать самоубийством или нет.

Взоры лучших людей сейчас обращены к нам и к нашей литературе. И в то время, когда гитлеровская Германия показывает свой звериный лик, когда мутная волна антисемитизма захватывает все капиталистические страны, советская власть создает еврейскую самостоятельную область — Биробиджан. Биробиджан очень популярен. Многие из еврейских писателей буржуазных стран едут сюда, многие рабочие из Палестины, с так называемой, своей «родины», удирают из-под сапога английского империализма и едут в Биробиджан, едут к себе домой, на свою родину, в Советский Союз.

Мотивы родины, тема родины являются не новыми в еврейской литературе. Буржуазные писатели очень много писали о разрушенном Иерусалиме и о потерянной родине. Но это была буржуазная ложь, потому что Палестина никогда не была родиной еврейских трудящихся масс. Палестина была родиной еврейских эксплуататоров, а сейчас она является колонией английского империализма. **Еврейские советские писатели, трудящиеся еврейские массы имеют одну родину — Советский Союз.** Советский Союз навсегда похоронил проклятый «еврейский вопрос», навсегда сжег, уничтожил черту оседлости — низость и подлость старого царского режима. Еврейские писатели свое перо, все свои возможности и силы отдадут этой великой родине. Все свои силы они отдадут великой партии **Ленина и Сталина. (Аплодисменты).**

Возвращение молодости.

РЕЧЬ тов. ЮРИЯ ОЛЕША.

В каждом человеке есть дурное и есть хорошее. Я не поверю, что возможен человек, который не мог бы понять, что такое быть тщеславным, или трусом, или эгоистом. Каждый человек может почувствовать в себе внезапное появление какого угодно двойника. В художнике двойник проявляется особенно ярко. И одно из отличительных свойств художника: испытывать чужие страсти, страсти двойника.

В каждом заложены ростки самых разнообразных страстей, и светлых, и черных. Художник умеет вытягивать эти ростки и превращать их в деревья.

Наиболее дорогие цветения в Льве Толстом — Платон Каратаев и капитан Тушин. И тем не менее очень легко вырастают в душе Толстого-художника и с полной чувственностью переживаются и такие страшные картины, как соблазнение отца Сергия коротконогой дурочкой Марией. Нельзя описать третье лицо, не сделавшись хоть на минуту этим третьим лицом. В художнике живут все пороки и все доблести.

Очень часто спрашивают художника: «Откуда вы знаете? Это вы сами выдумали?» Да, художник все выдумывает сам. Конечно, нельзя ничего выдумать такого, чего нет в природе...

Но отношения у художника с природой таковы, что она ему открывает некоторые свои тайны, она более общительна с художником, чем с другими.

Образ труса я могу создать на основании чрезвычайно ничтожных воспоминаний детства, при помощи памяти, в которой сохранился намек, след, контур какого-то, может быть, только начавшегося действия, причина которого — в трусости.

Можно написать книгу под названием «Машина превращений», в которой рассказать о работе художника и показать, как те или иные жизненные впечатления превращаются в сознании художника в образы искусства. Это неисследованная область, область, которая кажется таинственной, потому что эта область еще не освоена.

Работа этой машины — машины превращений — весьма чувствительна для всего организма. Движения этой машины не обходятся для организма даром, и отсюда — трудность такой вещи, как быть художником.

У художника чрезвычайно сложные отношения с хорошим и плохим, с пороком и добродетелью. Когда изображаешь отрицательного героя, сам становишься отрицательным, поднимаешь со дна души плохое, грязное, т. е. убеждаешься, что оно в тебе есть, это плохое и грязное. Следовательно, берешь на себя очень тяжелую психологическую нагрузку.

Гете сказал однажды: «Я хотел еще раз прочесть «Макбета», но не рискнул. Я боялся, что в том состоянии, в каком я тогда находился, это чтение меня убьет». Образ может убить художника.

Шесть лет назад я написал роман «Зависть». Центральным персонажем этой повести был Николай Кавалеров. Мне говорили, что в Кавалерове есть много моего, что Кавалеров — это я сам.

Да, Кавалеров смотрел на мир моими глазами. Краски, цветы, образы, сравнения, метафоры и умозаключения Кавалерова принадлежали мне. И это были наиболее свежие, наиболее яркие краски, которые я видел. Многие из них пришли из детства, вынутые из самого заветного уголка, из ящика неповторимых наблюдений.

Как художник, проявил я в Кавалерове наиболее чистую силу. То была сила первой вещи, сила пересказа первых впечатлений. И тут сказали мне, что Кавалеров — пошляк и ничтожество. Зная, что много в Кавалерове есть моего личного, я принял это обвинение в ничтожестве и пошлости, и оно меня потрясло.

Я не поверил и притаился. Я не поверил, что человек со свежим вниманием и умением видеть мир по-своему может быть пошляком и ничтожеством. Я сказал себе — значит, все это умение, все это твое собственное, все то, что ты сам считаешь силой, есть ничтожество и пошлость? Так ли это?

Мне хотелось верить, что товарищи, критиковавшие меня, — а это были критики-коммунисты — правы. Я им верил. Я стал думать, что то, что мне казалось сокровищем, есть на самом деле нищета.

Так у меня возникла концепция о нищем. Я представил себя нищим. Очень трудную, горестную жизнь представил я себе — жизнь человека, у которого отнято все. Художническое воображение пришло на помощь, и под его дыханием голая мысль о социальной ненужности стала превращаться в вымысел, и я решил написать повесть о нищем.

Вот я был молодым, у меня было детство и юность. Теперь я живу, никому ненужный, пошлый и ничтожный. Что же мне делать? И вот, я становлюсь нищим, самым настоящим нищим. Стою на ступеньках в аптеке, прошу милостыню, и у меня кличка «писатель».

Это ужасно умилительная для самого себя история, ужасно приятно жалеть самого себя.

И вот, опустившись на самое дно, босой, в ватном пиджаке, иду я по стране и прохожу ночью. Башни строек, огонь, радуга. А я иду босой, и вот однажды, в странное утро, в чистоте и свежести утра я прохожу мимо стены. Бывает иногда, что в поле, недалеко от заселенной местности, стоит полуразрушенная стена. Луг, несколько деревьев, чертополох. И куски стены. И тени от стены на лугу еще более четки и прямоугольны, чем сама стена. И вот я начинаю итти от угла и вижу, что в стене арка — узкий выход. Я приближаюсь к этому выходу, я вижу тупик. Перед ним проходит стена. Заглядываю туда и вижу необычайную зелень. Может быть, здесь ходят козы? Я переступаю порог, вхожу и потом смотрю на себя и вижу, что это — молодость, вернулась молодость.

Ко мне вдруг, неизвестно почему, вернулась молодость. Я вижу, что моя кожа на руках тонка, что на мне майка, что я стал молод — мне 16 лет. Ничего мне не надо — все сомнения, все страдания прошли. *Я стал молод. Вся моя жизнь вернулась ко мне.*

Я хотел написать такую повесть. Я думал над ней. Я делал выводы и я понял, что главная моя мечта — мечта сохранить право на краску молодости, главная моя мечта — сохранить правоту молодости, запереть свежесть мою от утверждения, что свежесть не нужна, что свежесть есть пошлость, ничтожество, утаивание вчерашней юности.

Я не виноват, что моя юность проходила в условиях, когда мир, окружающий нас, был страшен. Я понял, что причина моей концепции есть желание доказать, что во мне имеется сила красок и что будет нелепо, если эти краски не будут использованы.

Я эту повесть о нищем не написал. Тогда я не понимал, почему я не мог написать эту повесть. Я это понял позднее. Я понял, что дело не во мне, а в том, что окружает меня. Я понял, что свою молодость *я не утратил. Мне не надо думать об ее возвращении, потому что я художник.*

А время шло. В то время как я продумывал тему нищего и искал молодости, страна строила заводы. Это была первая пятилетка создания социалистической промышленности, и это не было моей темой. Я могу поехать на стройку, жить на заводе среди рабочих, описывать их в очерке, даже в романе. Но это не было моей темой, не было темой, которая шла от моей кровеносной системы, от моего дыхания. Я не был бы в этой теме настоящим художником. Я бы лгал, выдумывал, у меня не было бы того, что называется вдохновением.

Каждый может писать то, что он может писать. Мне трудно понять тип рабочего, тип героя-революционера. Я им не могу быть. Это выше моих сил, выше моего понимания. Поэтому я об этом не писал и не могу писать.

Страх мой усиливался, и я стал думать, что никому не нужен, что художнические мои особенности не к чему приложить. И поэтому окончательно вырос во мне ужасный образ нищего — образ, который меня убивал.

А в это время молодела страна. Уже есть юноши, которым 17 лет и которые ни одной своей мыслью не принадлежат старому миру.

Тогда, сочиняя «Нищего», я заглядывал в волшебную арку и не понимал главного, что я не верю в молодость страны, что не свою молодость я хочу вернуть, а хочу увидеть молодость страны, то-есть — новых людей.

Теперь я их вижу, и у меня есть гордая мысль, гордое желание считать, что их начинающаяся молодость есть до известной степени возвращение моей молодости. Самое страшное — это унижать себя, говорить, что я ничто по сравнению с рабочим или комсомольцем. Как можно так говорить и продолжать жить и работать? Нет, во мне хватает гордости сказать, что, несмотря на то, что я родился в старом мире, во мне, в моей душе, в моем мозгу, в моем воображении, в моей жизни, в моих мечтах есть много такого, что ставит меня на один уровень и с рабочим, и с комсомольцем. И, принимая от рабочего и комсомольца пожелания о том, как я должен жить и работать, я знаю, что это не есть тот разговор, когда один говорит, а другой молчит и слушает. Нет, это иной разговор, когда двое, очень близко прижавшись друг к другу, обсуждают, как найти наилучший выход.

Многое было во мне такого, в моей юности, в моих мечтаниях, в моих отношениях к миру, что и теперь я могу изобразить в произведении, как принадлежащее человеку нового мира, комсомольцу, молодому рабочему. Мир стал моложе. Появились молодые люди. Я стал зрелее, окреп мыслью, но краски внутри остались те же. Так произошло чудо, о котором я мечтал, заглядывая в арку. Так мне вернулась молодость. Это, конечно, торжественное, фигуральное выражение.

Дело гораздо проще. Дело в том, что люди, которые строили заводы, герои строительства, те, которые коллективизировали деревню, делали все то, что казалось мне непонятным и превращающим меня в нищего, эти люди — слава им — всей своей удивительной и прошедшей мимо меня деятельностью создали государство, социалистическую страну, родину.

В этом государстве растет первое молодое поколение, растет советский молодой человек. Как художник, я бросаюсь на него: «Кто ты? Какие ты видишь краски? Снятся ли тебе сны? О чем ты мечтаешь, как ты ощущаешь себя, как ты любишь, какие у тебя чувства, что ты отвергаешь и что признаешь? Какой ты? Что в тебе преобладает, чувство или рассудок? Умеешь ли ты плакать? Нужен ли ты? Все ли ты понял из того, что пугало меня, чего я не понимал, чего я боялся? Какой ты, молодой человек социалистического общества?».

— Я не могу писать, не найдя между собой и тобой аналогии. Я хочу создать тип молодого человека, наделив его лучшим из того, что было в моей молодости.

Я считаю, что историческая задача для писателя — создать книги, которые вызывали бы в нашей молодежи жажду подражания, желание быть лучше. Нужно выбрать все лучшее в себе, чтобы создать комплекс человека, который был бы образцом. Писатель должен быть воспитателем и учителем.

Я лично поставил себе задачей писать о молодых, я буду писать пьесы и повести, где действующие лица будут решать задачи морального характера. Где-то живет во мне убеждение, что коммунизм есть не только экономическая, но и нравственная система, и первым воплотителем этого строя коммунизма будут молодые люди и молодые девушки.

Все свое ощущение красоты, изящества, благородства, все свое видение мира — от видения одуванчика, руки, перил, прыжка, до самых сложных психологических концепций — я постараюсь воплотить в этих вещах, я постараюсь доказать, что новое, социалистическое отношение к миру есть в чистейшем смысле человеческое отношение.

Таково возвращение молодости. Я не стал ниже. Богатство, которым я обладал, осталось. Богатство это выражается в том, чтобы знать, что мир с его травами, зорями, красками прекрасен, и что делала его плохим власть денег, власть человека над человеком.

Он был фантастическим и превратным — этот мир — при власти денег. Теперь, впервые в истории культуры, он стал реальным и справедливым. **(Бурные аплодисменты).**

ЛИТЕРАТУРА, РОЖДЕННАЯ ОКТЯБРЕМ.

РЕЧЬ тов. ЗОЛОТОВА.

Ленинско-сталинская национальная политика привела чувашские трудовые массы к величайшим успехам на путях хозяйственного и культурного расцвета. Достаточно сказать, что наши издательства выпускают свыше 2.000 печатных листов разной литературы, в том числе свыше 300 листов художественной. Издаются ежемесячный литературно-художественный журнал и альманах, сатирический журнал, пять центральных, много районных и политотдельских газет.

Почти на пустом месте начала создаваться чувашская литература. От прошлого она не получила никакого наследства. Но за годы революции советская Чувашия вырастила десятки молодых творческих сил, пришедших в литературу от сохи, от крестьянской батрацкой жизни. Они создали уже ряд значительных произведений, отражающих героическую борьбу рабочего класса за социализм, показывающих людей социалистического строительства. Ряд писателей пользуется заслуженной популярностью и любовью широких масс чувашских трудящихся. К ним принадлежат **Иван Мугджи, Кошкинский, Трубина, Осипов, Исаев, Чалбун** и многие другие. Чувашский театр и драматургия создали ряд крупнейших и талантливейших произведений. Все же мы считаем, что чувашская литература находится еще на начальных ступенях своего развития и ей свойственны все болезни детского возраста, периода роста. Нам, чувашским писателям, многому еще нужно научиться, многое нужно усвоить.

В овладении вершинами литературного мастерства огромную роль для национальных литератур играет русская советская литература. В нашем великом Союзе непроходимые в прошлом границы между разноплеменными и разноязычными литературами разрушены и уничтожены. Русская советская литература близка и родна трудящимся всех национальностей и наоборот—лучшие достижения национальных отрядов литературы обогащают русскую и всю советскую литературу в целом.

Отсюда важнейшая задача, стоящая перед национальными отрядами советской литературы, — сделать лучшие достижения русской советской литературы достоянием трудящихся своих народов, переводя лучшие произведения на национальные языки. Мы это делаем, но не в той еще мере, какой эта работа заслуживает. Правда, чувашские массы уже читают сегодня на своем родном языке ряд произведений **Горького, Серафимовича, Фадеева, Гладкова, Маяковского, Демьяна Бедного** и других советских писателей, но переведено еще слишком мало. Надо полагать, что первый с'езд советских писателей будет способствовать резкому перелому в этом отношении. Я всецело присоединяюсь к предложению **М. Шагинян** о создании при союзе советских писателей комиссии, которая помогала бы национальным литературам вообще, а также в деле переводов произведений русских советских писателей.

Но это обстоятельство накладывает на русских советских писателей особую, повышенную ответственность. Быть писателем всех народов советского народа—это уже высшая ступень развития советской литературы, о которой в иных условиях, кроме диктатуры пролетариата, и думать нельзя.

Миллионные массы чувашских трудящихся знают и гордятся рассказом Алексея Максимовича о том, что у него во время скитаний по волжским просторам был близкий товарищ из Чувашии—сильный, жизнерадостный, хороший певец.

Хочется сказать Алексею Максимовичу: те песни, которые пел ваш товарищ-чуваш, были песнями слез и горя. В их словах звучали грусть и бедность, нищета и тяжелое горе людей забитых, неграмотных, трахоматозных, вынужденных работать на чужих. Иные, новые песни звучат теперь и мощно раздаются в советской Чувашии. Они говорят о том, что чувашские трудящиеся, как равные братья в семье народов СССР, строят светлую, социалистическую жизнь. Они говорят о всепобеждающем энтузиазме трудящихся, безграничной их преданности советской власти и единственной в мире партии большевиков, которая несет освобождение всему человечеству.

И пусть наша литература сегодня, в свете той огромной перспективы, которая открыта перед ней, еще бледна, пусть она не дала еще произведений, достойных быть в одних рядах с произведениями лучших советских писателей,—те величайшие победы, которые одержала чувашская литература за кратчайший исторический срок, вселяют в нас уверенность, что завтра эти успехи мы удесятерим. Эти победы вооружают нас на еще более горячую борьбу за то, чтобы идти в одной шеренге со всеми передовыми литературами братских народов.

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

И. ИЛЬФ И Е. ПЕТРОВ.

Ах, Моссовет! Ну, как тебе не стыдно?
Петровка есть,
в Ильфовки — не видно.
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Учитесь любить и ненавидеть.

РЕЧЬ тов. СОБОЛЕВА.

Хорошим писателем может быть тот, кто умеет верно изображать, кто умеет писать так, чтобы книга волновала, чтобы книга учила. Такая книга не будет стареть. Она будет иметь все шансы, как говорится, войти в века. Таким писателем может быть только тот, кто умеет правильно видеть, ярко чувствовать, правильно и ярко изображать.

Партия и правительство дали советскому писателю решительно все. Они отняли от него только одно — право плохо писать.

Что же дали нам, писателям, революция и партия, организовавшая эту революцию? Разберемся по порядку.

Уменье видеть. Уменью видеть учит нас философия пролетариата, созданная величайшими умами человечества — **Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.** Это оружие дала нам партия.

Уменье чувствовать. Этому уменью чувствовать учит нас вся наша действительность, непрерывная цепь побед, организованных опять-таки нашей партией.

Наконец, **уменью верно изображать** учит нас метод социалистического реализма, т. е. метод, при котором мы можем правильно изобразить действительность с партийных большевистских позиций. Этому методу опять-таки обучает нас партия.

Нам дана еще возможность видеть, наблюдать, переживать, волноваться, любить и ненавидеть, потому что для нас, советских писателей, открыто решительно все. Для нас открыты все города нашего Союза, все заводы, армия, флот и сердце каждого человека, живущего в Союзе.

Партия дала нам решительно все. И сейчас, на этом историческом с'езде, когда на нас смотрит буквально весь мир, мы должны дать себе отчет: как же мы используем то, что нам дано, как мы вооружены для дальнейшей нашей борьбы.

Слово «вооружение» здесь не случайное. Здесь мы сейчас обсуждаем план наших будущих операций, подобно тому, как этот план обсуждается в военном штабе. Мы подготовляем сейчас наше оружие, потому что, когда кончится с'езд, мы раз'едемся по различным углам нашего Союза, и каждый опять-таки станет на свой боевой пост, чтобы писать, чтобы творить литературу, помогающую строительству бесклассового общества.

Что же мы умеем? Умеем ли мы видеть все крупное, главное? Иногда мы много кричим о мировоззрении. Я не буду об'яснять вам, что такое мировоззрение. Но ведь мировоззрение пока не купишь ни в оргкомитете, ни в горкоме писателей, ни даже на новостройке. Это мировоззрение не возьмешь по двум заметкам в колхозной газете, куда ты приехал, как у нас говорится, прорабатывать. Мировоззрение создается жизнью, длительным трудом образования самого себя как человека.

Предположим, что сейчас, на данном этапе, многие из нас, писателей, этим оружием, оружием диалектического материализма, в какой-то степени уже владеют. (Я, товарищи, все время буду говорить военными аналогиями, тут ничего не поделаешь: я—оборонный писатель).

Но, товарищи, всякое оружие тупится. Даже такая великолепная стреляющая машина, как 12-дюймовое орудие, сделанное из самой лучшей стали, все-таки на 200-м выстреле должно переменить свое внутреннее дуло, потому что нарезка начинает притупляться.

У нас бывает так. Человек получил какие-то начатки материалистических знаний, может быть, даже не начатки, а что-то покрупнее, и затем на них застывает. Получается страшная вещь. В мировом масштабе такое примечательное явление известно под именем «амстердамской проститутки» — Второго интернационала. Ибо если марксизм превращается в догму, если он не становится методом живой работы, он начинает губить человека, обращающегося к нему, как к орудию.

Мы иногда уподобляемся людям, которые учатся играть на рояли, очень свободно и спокойно можем разбирать ноты, можем даже с листа читать многие явления советской действительности. Но это чтение с листа подобно тому чтению, о котором писал еще Пушкин. Вы помните его примечательную фразу: «...перстами робких учениц». Мы иногда играем на таком марксистском рояли, мало овладев техникой этого искусства, и того, что заставляет слушать игру на рояли, что составляет истинное искусство, — у нас порой нет.

Почему мы не можем владеть оружием так, чтобы оно в наших руках сверкало, разило того, кого нужно, и вскрывало то, что мы хотим вскрыть?

Потому, что мы ленивы. Прав совершенно Алексей Максимович в своей замечательной статье: **«О литературных забавах»,** когда он показывает, что мы не умеем жить. Да, мы не умеем жить, потому что время, тугое время, которое мы держим в руках и которого терять нельзя, мы тратим зря, тратим на болтовню, тратим на «телефонные розыгрыши», которые в большом ходу в литературных кругах, тратим на различного рода ненужные устные выступления.

Я отнюдь не хочу сказать, что советский писатель должен быть этаким христосиком, живущим в келье. Советский писатель вовсе не обязан быть человеком, которого можно ставить в пример. Нам не нужны такие «первые ученики». Нам нужно поставить себе такую же задачу, какую ставит себе любой партиец, задачу организации времени. Нужно каждую минуту помнить, что на тебя возложена огромная ответственность.

А мы, как Пушкин говорил порой, «ленивы и не любопытны». Мы «грабим» себя и вместе с тем «грабим» литературу. Мы не наблюдаем.

Умеем ли мы чувствовать так, чтобы сердце горело, чтобы жажда творчества была нестерпима? Об этом замечательно сказал **Ромэн Роллан,** что книга начинается писанием тогда, когда автор чувствует, что не сказать того, что он хочет сказать, он не имеет права.

Умеем ли мы чувствовать так, чтобы яд творчества бросился нам в голову и мешал в жизни и работе? Так чувствовать мы не всегда умеем, а без большого чувства нет искусства.

Нам не надо литературы евнухов, литературы бесстрастной, холодной, не волнующей ни читателя, ни самого писателя. Нам не нужна и литература с «домашним» пафосом, подогретым на примусе. Нам нужно найти и суметь выработать в себе, если мы еще не умеем, искусство чувствовать.

Что такое чувство и что такое чувствительность? Я приведу два примера.

Первый пример: 1926 год. Кронштадт. Линейный корабль «Октябрьская революция», только-что закончивший свой большой капитальный ремонт. Этот корабль впервые стоит на рейде и впервые поднимает флаг Красного флота. Впервые потому, что именно в этом году был введен новый военно-морской флаг, который вы привыкли сейчас видеть, лучистый красный флаг. Мы стояли на корме, и в тот момент, когда после команды «флаг поднять» на флагштоке поползло это великолепное полотнище, играющее на солнце, когда большие оркестры, присланные к нам на корабль для торжественного поднятия флага, начали играть «Интернационал»,—в этот момент под нашими ногами задрожала палуба. 42.000 лошадиных сил, созданных нами,— потому что мы этот корабль создали из осколков и обломков, — 42.000 лошадиных сил заработали в турбине. Огромные винты вздыбили воду, и палуба корабля начала трястись. И этот трепет, который прошел среди нас, был такой, что я видел слезы на глазах у многих старых матросов и старых командиров, и у меня самого в этот момент были слезы на глазах.

Что это такое —сентиментальность или чувство, эмоция? Я говорю: это не сентиментальность, потому что сентиментальность — это состояние человека и искусства, когда человек или искусство наблюдают какое-то явление без всякого порыва к действию. Сентиментальность расслабляет, — вы наблюдаете, вы ахаете, вы говорите чувствительные слова и ощущаете внутри себя чувствительное напряжение, но вы не способны к действию.

Наша эмоциональность, большевистская эмоциональность—это прежде всего толчок к действию. И вот это чувство, которое мы испытали на под'еме флага, когда дрожал корабль, дрожали люди, дрожали сердца,—это чувство незабываемо. Забыть его нельзя! В этот момент мы поняли, что мы сделали за полтора года, поняли, что из заброшенного корабля мы создали великолепный, могучий корабль, который и сейчас плавает в Красном флоте.

Второй пример. Летом в Ленинград приезжал датский писатель Мартин Андерсен-Нексе. Мне довелось с ним поехать на завод. Коротко: красный уголок, заполненный рабочими и работницами, знамена, бюст Ленина, цветы, речь Нексе. Он говорил просто. Он говорит о том, что есть много старых сказок, в которых проводится одна и та же мысль. Карлик оседлал великана и заставил его работать на себя, пока великан не понял, в чем дело, и не сбросил этого карлика, как блоху. Нексе сказал, что единственная страна, где карлик сброшен, — это наша страна.

Я расскажу, как вся эта вещь была в эмоциональном плане. После ряда выступлений попросили говорить жену Нексе, так как он намекнул, что она бывала в квартирах безработных и многое видела. Ее попросили рассказать об этом. Она сказала одно единственное слово по-русски, которое знала, — «товарищи», и после этого по-немецки добавила, что от волнения говорить не может, и заплакала.

Здесь за столом началось эмоциональное освоение этого эпизода. Я видел слезы на глазах работниц, — и это не удивительно. Я видел слезы на глазах стариков,—и это тоже не удивительно. Старики, как говорят, созданы для того, чтобы глубоко чувствовать. Но когда после этого выступил парторг цеха, мужчина достаточно серьезный и вряд ли склонный к сентиментальности, я увидел его жест, которым он начал речь. Он вытер левый глаз и после этого начал говорить. Его слова звучали такой ненавистью к капиталистическому строю, о котором рассказывал Нексе, что по окончании этой речи ко мне подошел секретарь парткома и сказал: «Этим сегодняшним случаем я два месяца буду пользоваться как величайшим оружием, потому что весь завод понял этот вечер».

Что это было—сентиментальность или несентиментальность, когда девушки, старики и парторг плакали?

И, наконец, то, что произошло в этом зале, когда появились наши друзья пионеры. Как назвать то, что человек, который в течение всей своей жизни умел и до сих пор умеет хлестать наших врагов так, как может хлестать самый ненавидящий человек, человек, который умеет спокойно и очень мудро говорить самые неприятные вещи, тогда, когда эти вещи нужны для блага общего дела, как назвать, что этот человек, растрогавшись, стер, как говорится, слезу со своего седого уса. Что Горький—сентиментален или нет?

Когда ребята вошли в зал, когда вся сумма красок, жестов, аплодисментов, звуков, оркестров, фанфар, света, портретов,— вся сумма этих очень красочных моментов обрушилась на меня, я понял, что в зал ввалилось наше будущее, которого мы, может быть, не увидим. От того, что это наше будущее говорит с нами, от того, что оно было прекрасно, навернулись слезы на глаза не только у Горького, но и у многих. Почему же мы, многие из здесь сидящих, стыдимся этих чувств в книгах, почему мы стыдимся писать так, чтобы читатель заразился этим чувством? **(Аплодисменты).**

Мы должны любить и ненавидеть и уметь это делать. Любить и ненавидеть нужно не понятие. У меня не укладывается в сознании, как можно эмоционально ненавидеть, например, капитализм. Я его очень не люблю, но эмоционально ощущение ненависти к капитализму не может отнестись, потому что нет точки, в которую я мог бы направить это чувство.

Для нас должно быть ясно, если мы как художники подходим к тем людям, которых мы изображаем, мы должны видеть в них социалистическую индивидуальность. Но ведь мы тоже люди. Мы не механизированные идиоты из романа Дж. Бери «Багряное царство», — гнусный памфлет на социализм. Там у него все люди—под общую гребенку, как это часто бывает у людей, которые пытаются опохабить идею социализма.

Но как научиться любить и ненавидеть, чтобы любил и ненавидел именно я, чтобы любил и ненавидел именно Гладков, именно Панферов?

Нужно найти конкретную точку приложения, в себе найти эту точку. Нельзя ненавидеть неконкретные вещи.

Умейте ненавидеть то, на что у вас ненависти хватит, настолько, что она сможет опрокинуть это явление, умейте ненавидеть и любить то, что вас окружает, причины любви и ненависти искать во всей окружающей жизни. Мы, писатели, обязаны и должны это сделать. Но это еще не все.

Можно прекрасно чувствовать, великолепно переживать и отвратительно писать. Многим из писателей знакомо то ощущение, когда вы уходите от письменного стола, и у вас, выражаясь высоким стилем, страница залита слезами. А на утро, когда перечитываешь эту страницу, над ней не только не плачут, но даже издеваются.

Чувствовать надо взволнованно, а писать надо совершенно спокойно. У нас иногда получается наоборот: ум у писателя разгорячен, а сердце у писателя даже не холодное,—стылое сердце, как котлета в столовой в застывшем жиру. Таким сердцем сделать ничего нельзя.

Только соединение глубокой взволнованной эмоции и холодного ума, который умеет видеть, который научили видеть такие люди, как **Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин,**—только такое соединение даст нам возможность работать так и писать таким образом, чтобы вывести нашу литературу на то место, которое ей единственно принадлежит по праву,—на вершины мировой литературы. **(Аплодисменты).**

За яркую, сочную литературу.

РЕЧЬ тов. КАРАВАЕВОЙ.

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

Караваева.

В день авиации я видела на Тушинском аэродроме, как с крыльев трех мощных самолетов прыгнули на землю 75 парашютистов. Земля встречала их криками восторга, невольной боязнью и единодушной любовью к этой безудержной молодой смелости.

Я думала: «бесстрашие...» ведь с ним не родятся, с молоком матери его не впитывают, сын храбреца может быть последним трусом. Храбрость и бесстрашие воспитывают, приобретают. Они — следствие высокой работы сознания, воспитания воли, энергии, выдержки, воспитания, которое дается только работой нашей великой партии, только большевистской ее школой.

И сколько таких людей — смелых, умных, крепких, выдержанных, жизнерадостных людей—среди наших читателей! И надо ли удивляться их буквально ненасытной требовательности? Эту требовательность они заслужили всем ходом истории, иначе и быть не может. Рабочий, как сказал товарищ **Сталин,** хочет жить с покрытием всех своих материальных и духовных потребностей.

Тот же закон должен быть и в литературе: читатель наш,—самый лучший в мире, советский читатель, — хочет получить от художественного произведения удовлетворение всех самых действенных своих духовных и идейных запросов. Он хочет конкретно, в живых образах познать, какие человеческие поступки справедливы, прекрасны и полезны для общества, он хочет наслаждаться художеством, хорошим, чистым языком, сочностью красок. Ему приятны игра собственного воображения и то состояние деятельного отдыха, в котором он находится, читая хорошие книги. И тогда познание действительности, приобретение новых мыслей происходят приятно и естественно, как будто человек утоляет жажду прекрасной ключевой водой.

Да и в чем наша задача, смысл нашей работы, а следовательно и смысл всей нашей жизни? Помогать великой партии Ленина и Сталина, помогать советской власти воспитывать, переделывать, поднимать людей к деятельности, к творчеству. Мы помогаем познанию жизни и социалистического строительства своим оружием, мы действуем на человеческую жизнь и волю своими специфическими средствами, и весь великий отбор в литературе проходит по существу под знаком одного главного требования: насколько плодотворно сила художника влияет на познание жизни человеком.

В вопросе о том, что и как нужно делать, чтобы именно так и получалось, пора бросить всякие кривотолки, которые у нас были, лишнее академическое умничание и всякое формалистское столоверчение и подойти к делу совершенно конкретно. Необходимо, например, заняться такой проблемой, как проблема занимательности художественного произведения, живости, с которой изображаются события.

Займемся вопросами сюжета и фабулы. Будем считать неудавшимся, не оправдавшим надежд произведение, которое хотя и стоит на высоком идейном уровне, но страдает анемией сюжета, вялостью, не заражает, не волнует. Займемся характером героев, соединив в этом изучении требования художественной правды с поправками, полученными из опыта самой жизни.

Однажды я видела, как в одном колхозе выбирали пастуха. Были две кандидатуры на эту должность. Кандидатуры обсуждались колхозниками «по косточкам». К работе пастуха и его собственной особе колхозники пред'явили массу требований. Как самые прожженные психологи, колхозники обсуждали обе кандидатуры с разнообразных сторон: умственных способностей, взаимоотношений с людьми, здоровья, выносливости, веселости, терпения, радушия и прочих качеств. Даже, казалось бы, мелкие обстоятельства, и те всерьез принимались во внимание.

Хорошо бы, если бы подход наших критиков напоминал подход этих колхозников к выбору пастуха.

Советский писатель должен быть разносторонне, энциклопедически образованным человеком. В наших писательских организациях должны бывать академики, передовые инженеры, изобретатели, ученые, не говоря о более тесной связи с представителями смежных искусств. Мы должны быть в курсе всех дел и открытий нашей молодой советской науки, науки, которая целиком посвятила себя работе для процветания и силы своей великой родины и созданию бесклассового общества.

Высоким примером этого упорного и великолепного творческого труда является наш дорогой Алексей Максимович. Недаром так любил Горького **В. И. Ленин,** недаром горячо ценит его и любит наша великая большевистская партия.

Горький всю жизнь учится жадно, с неослабевающим, юношеским увлечением. И мы, у которых перед глазами такой живой пример, не имеем никакого права жить ограниченно и узко только в своем литературном кругу. Творческая наша жизнь только тогда подлинно богата, осмыслена и плодотворна, когда она находится в тесной, постоянной и многообразно выраженной связи с обществом, со всей жизнью нашей великолепной неповторимой эпохи.

НУЖНА НОВАЯ, КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.

РЕЧЬ тов. ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА.

Наш писательский коллектив поставлен партией на почетное место в стране и призван не только увековечивать силой искусства великие дела наших дней, но и помогать партии и правительству в деле перестройки человеческой души.

Во всяком деле важно избежать параллелизма, когда несколько человек повторяют одно и то же дело. Казалось бы, очевидна и для нас опасность повторить друг друга, когда мы все пишем о строительстве, о новой жизни в стране Советов.

Товарищ Сталин в своих известных шести условиях заклеймил обезличку в производстве. Эта обезличка могла бы оказаться и у нас, если бы мы забыли о своей индивидуальности. Нам нужно бояться потерять свою индивидуальность, чтобы не стать, по словам Маркса, «простым рупором эпохи». Но нам нужна не старая, буржуазная индивидуальность, живущая только в границах своего я. От этого один шаг к тупому мещанству. Нам нужна новая, коммунистическая индивидуальность, связанная бесчисленными нитями со всеми творческими силами страны.

Природные особенности некоторых писателей поставили их на участок юмора и сатиры. Юмор и сатира играют большую роль в жизни. Юмор дает смех, рождает бодрость, люди, смеясь, отдыхают и получают новый приток энергии в работе.

Потребность в юморе у нас очень велика. Человек, недовольный жизнью, не будет смеяться. Потребность в смехе является барометром общественного самочувствия. У нас смеются хорошо.

Сатира острее и жестче юмора. Сатира — это витрина брака, вроде тех витрин, которые устраиваются в наших магазинах, чтобы выставить на осмеяние плохо сделанную вещь. Задача сатирика— выставлять брак человеческих поступков и характеров. Алексей Максимович в своем мудром докладе еще раз указал на самую яркую черту брака в человеке — это на мещанство, мещанство там, где человек не идет дальше удовлетворения своих зоологических инстинктов при глубоком равнодушии ко всему остальному. Коммунизм по всей своей сущности противоположен мещанству. Я твердо верю, что в конце второй пятилетки Горький свое дело — борьбу с мещанством — сможет считать законченным.

Принято думать, что сатирик не может изображать характеров и явлений положительных. Сатирик и юморист нашего времени не должны поддаваться гипнозу этого утверждения. Они должны раз и навсегда покончить с однобокой сатирой, иначе они прежде всего обкрадут самих себя.

Сатирик и юморист могут не возиться только с витриной брака, а создавать образы идейных героев нашей эпохи, не занимаясь при этом своей индивидуальностью. В этом могла бы опять помочь критика, если бы она сказала, как нужно делать, а не ругала бы нас только за то, как не нужно делать. Никакой критик, за исключением одного—двух, не предложил своего дружеского руководства писателю, который, по его мнению, пишет не так, как нужно. Притом у критиков, — преимущественно я говорю здесь о рецензентах, — по отношению к нам, писателям, такой тон, как у учителя к ученику 3-го класса. Мне, например, насколько мне известно, в этом году исполняется 50 лет. Я написал 17 томов сочинений и работаю больше 30 лет в литературе, а мне критик с жизненным стажем в 20 лет выдает аттестат, состоящий из одних «неудов».

Критику, по-моему, надо сейчас одно: заслужить доверие и уважение писателя. Тогда писатель будет ему верить, и вместе они наверное скорее исправят свои ошибки, писательские и критические, не повредив при этом ни одной скулы.

Чем критика может заслужить уважение писателя? Писатель от нее многого не требует — хотя бы просто добросовестности в исполнении своего дела.

Дружеский шарж худ. Кукрыниксы.

А. ФАДЕЕВ.

Уже который год ему кошмаром снится
В «Последнем Удэгэ»
Последняя страница.
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

ПЕСНИ НУЖНЫ НАМ!

ПЕРВОМУ С'ЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

□ □ □

ЯНКА КУПАЛА.

□

Песни нужны нам, не те, что когда-то
Царское рабство веками нам пело
В годы, когда по измученным хатам
Хлестко нагайка жандарма свистела.

Светлые песни, как солнце, как воля
Необозримой советской отчизны,
Песни такие, чтоб птицей над полем
Мчались, созвучные радостной жизни.

Чтобы запел их во весь юный голос,
Трактором правя, колхозник веселый,
С ними б колхозница грядки полола,
Пели б их наши колхозные села.

Армии нашей всемирная слава
Требует песен живых и певучих,
Чтоб в них звучало всегда величаво
Дело защитников наших могучих.

Песни нужны нам свои, а не вражьи,
Что наши думы с дороги сбивали,
Песни такие, чтоб бились отважно
Против остатков неволи бывалой.

Песен хотим мы таких, что неслись бы,
Радости нашей давая огласку,
Песен мы ждем, пролетарских по мысли,
Национальных по звуку и краскам!

Песен ждем громче, чем грохот громовый,
Паводков вешних бурней и чудесней,
Что, ледяные срывая оковы,
Мчатся победно. Такой ждем мы песни!

Песен таких, чтоб везде в мире старом
Эхом они разливались безбрежным
И загорались восстаний пожаром
Средь наших братьев, рабов зарубежных.

Песня такая нужна, чтоб летала,
Как стратостаты летят к стратосфере,
Дерзко в отваге своей небывалой
Путь межпланетный желая измерить.

Гимнов о людях пустыни полярной,
Гимнов неслыханных ждем с нетерпеньем:
Подвиг ведь там совершон легендарный,
Так что весь свет задрожал в изумленьи.

Искренних песен хотим мы и смелых,
Чтобы в них кровь трепетала живая,
Чтобы в них правда о наших днях пела,
Славу прошедших веков затмевая.

И эпопею должны мы построить,
Как ее строили люди на льдине.
В одах должны быть воспеты герои,
Дело Советов бессмертно отныне!

Песни нужны нам, чтоб сердце и думы
Магнитогорским величьем пылали,
Нежились под днепрогэсовским шумом,
В дали неслись Беломорским каналом.

Чтобы их ритм отражал в звуках гибких
Нашей эпохи под'емы и кручи,
Ритм боевой, что дают без ошибки
Партия наша и Сталин могучий.

Перевел с белорусского
СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ.

Борьба за Австрию.

Итоги переговоров Муссолини—Шушниг.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 23 августа. Согласно сообщению лондонского корреспондента **«Энформасьон»** результаты флорентинского свидания *сводятся к следующему:*

1) Политика Дольфуса будет и впредь проводиться.

2) Обеспечивается независимость и территориальная целостность Австрии.

3) Италия предоставляет Австрии свободную зону в Триесте и возможность развивать там свой торговый флот.

4) Италия вводит на своих дорогах предпочтительные тарифы для австрийских товаров.

5) Облегчается возможность подданным обеих стран селиться и приезжать в ту или другую страну и т. д.

Газета далее сообщает, что к этому экономическому соглашению могут присоединиться и другие дунайские страны.

Комментируя свидание во Флоренции, французская печать рассматривает его как предостережение Германии и указывает, что оно не случайно состоялось немедленно после германского «плебисцита». Большинство газет указывает на то, что Франция должна играть более активную роль в защите независимости Австрии и заботиться о том, чтобы интересы Малой Антанты не пострадали, если Италия захочет установить нечто вроде протектората над Австрией и Венгрией.

В связи с флорентинским свиданием выступает на первый план **венгерская** проблема. Специальный корреспондент **«Пари суар»** в Центральной Европе подробно пишет о том, как Венгрия «саботирует все условия мирных договоров» и восстанавливает свою армию под видом полиции. Якобы для борьбы с контрабандой Венгрия сформировала недавно 7 новых полицейских полков.

Ормессон выступает в **«Фигаро»** со статьей, озаглавленной **«Венгрия и дунайская проблема»**. Отвечая на заявление официозной венгерской газеты **«Будапести хирлап»**, что основным условием сближения Венгрии с Малой Антантой является пересмотр границ, Ормессон пишет:

«Если Венгрия, упорствуя в своей обструкции, предпочтет войну миру, то она за это дорого заплатит. Чехи, югославяне и румыны раздавят ее как орех».

Реми.

Как живет писатель в Польше.

ВАРШАВА, 22 августа. **(Соб. инф. «Правды»).** Недавно профессиональный союз польских писателей провел среди членов союза анкету об условиях их быта, жизни и работы. Результаты этой анкеты опубликованы в книге: **«Жизнь и работа польского писателя».**

Книга эта бросает яркий свет на крайне бедственное положение, в котором находится большинство польских писателей. Достаточно указать, что *«средний»* месячный заработок польского писателя составляет 300 злотых (около 65 рублей). Для сравнения можно указать, что в Польше полицейский надзиратель зарабатывает больше. Тысячу злотых и больше зарабатывали лишь 13 писателей, т. е. 8 проц., 27 авторов зарабатывают до 200 злотых в месяц. 56 писателей, т. е. 36 проц. всех польских писателей, зарабатывало меньше 100 злотых (21 рубль в месяц).

Уровень гонораров чрезвычайно низок. Средний гонорар за большую книгу не превышает 1.400 злотых. Наряду с мизерностью гонораров чрезвычайно часты жалобы на нерегулярность заработков. Большинство писателей жалуется также на недобросовестное отношение капиталистов-издателей. Писатель для получения следуемого ему гонорара должен вести постоянную борьбу с издателями, большинство которых расплачивается с писателями «в рассрочку».

Не удивительно, что, по данным анкеты, большинство писателей обременено долгами.

Книжный рынок в Польше чрезвычайно ограничен. Достаточно указать, что, по данным анкеты, из 385 книг польских писателей, изданных за последнее время в Польше, 63 книги были изданы в тираже до тысячи экземпляров, 114—в тиражах до 2.500 экземпляров, 110—в тиражах до 5 тыс. экземпляров и лишь 26—в тиражах от 15 до 40 тыс. экземпляров. Интересно отметить, что известная книга **Адама Мицкевича «Пан Тадеуш»,** выпущенная тиражем в 3 тыс. экземпляров, разошлась лишь в течение десяти лет. А Мицкевич мечтал о том, что его книги будут читаться в каждой крестьянской избе...

Революционное подполье фашистской Германии.

«ЭНТРАНСИЖАН» О РАБОТЕ ГЕРМАНСКОЙ КОМПАРТИИ.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 23 августа. **«Энтрансижан»** продолжает освещать деятельность «подпольного мира» в Германии. Газета следующим образом характеризует деятельность компартии в 1933 году:

«С первых же недель коммунисты приспособились к новым условиям с быстротой, вызвавшей беспокойство. Долголетняя подготовка принесла свои плоды. В пролетарских кварталах вновь начали появляться на стенах и заборах знакомые лозунги. На заводах и в почтовых ящиках появились нелегальные листовки. Первые газеты печатались на гектографах, а затем их стали печатать на шелковой бумаге. Формат газет был карманный. Это были первые визитные карточки, посланные коммунистами из подпольного мира».

«Не прошло и шести недель после пожара рейхстага,—пишет далее газета,—*как правительство уже вынуждено* было признать, что ему не удалось уничтожить компартию. В начале правительство утверждало, что речь идет о «последних судорогах разгромленной революционной партии, находящейся в состоянии агонии». В действительности это было нечто противоположное агонии! Чем больше усиливался террор, тем больше усиливалась деятельность подпольного мира и тем больший отклик она встречала в массах.

Власти жестоко наказывали за распространение листовок. Тысячи полицейских и штурмовиков устраивали грандиозные налеты на кварталы и целые деревни. Несмотря на все это, становилось все более ясным, что дело идет не об остатках побежденной армии, а о новом враге, организованном и дисциплинированном и систематически работающем.

Нелегальная литература росла. Во дворах домов, в пролетарских кварталах появлялись группы, произносившие хором лозунги и немедленно исчезавшие. На крестьянских рынках внезапно появлялись ораторы, исчезавшие после трехминутной речи. На заводах начались вспышки первых небольших забастовок, из которых некоторые продолжались по нескольку дней и даже оканчивались победой. Сведения об этих забастовках не могли попасть за границу из-за цензуры. Однако за две недели, с 25 марта до 10 апреля, можно было отметить сотню подобных попыток бастовать в **Гамбурге, Гарбурге, Паннове** и других местах.

В это время **«Роте фане»** уже расходилась в количестве **300 тыс. экземпляров.** В провинции также выходят нелегальные органы, как, например, **«Гамбургер фольксцейтунг», «Рур-эхо», «Роте фане»** в **Бадене, «Зюддейче арбейтерцейтунг»** и др. За продажу и покупку этих газет можно поплатиться головой. Несмотря на все это они распространяются в сотнях тысяч экземпляров...

Сейчас больше чем когда-либо говорят о деятельности подпольного мира. Было бы ошибкой считать эту деятельность стихийной. **Она носит организованный характер».**

Реми.

Массовые аресты—апофеоз „плебисцита".

(По телефону от специального корреспондента «Правды»).

БЕРЛИН, 23 августа. Сегодня германские газеты «опровергают» появившиеся в заграничной печати «слухи» о «большой акции» против лиц, ответивших во время «плебисцита» **«нет»,** и об аресте тайной полицией 150 человек, голосовавших против Гитлера.

Фашистская печать опровергает эти сообщения, однако самое содержание опровержений уже достаточно характерно.

«Аресты, — гласит «опровержение», —по указанной причине ни в коем случае не происходили. Повидимому, злоумышленные и жаждущие сенсаций корреспонденты использовали для травли отдельные аресты, происходившие в последние дни в связи с давно уже *начатым* расследованием подготовки государственной измены».

Дм. Бух.

Стратостат Козинса.

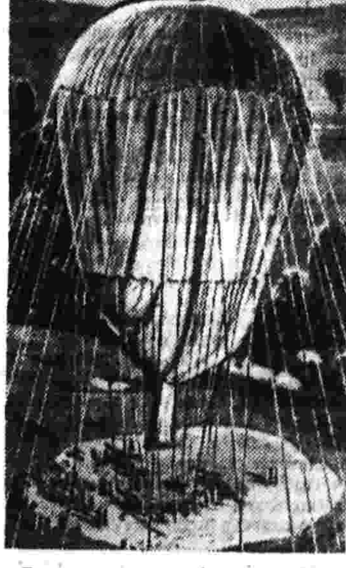
ПАРИЖ, 23 августа. **(Соб. инф. «Правды»).** Специальный корреспондент **«Тан» в Брюсселе** дает подробное описание стратостата, на котором молодой бельгийский ученый инженер **Козинс** со своим ассистентом студентом **Ван дер Эльстом** поднялся 18 августа в стратосферу.

Под'ем Козинса — **восьмой** по счету полет в стратосферу и третий под'ем, организованный бельгийскими учеными. Козинс, поднимавшийся в стратосферу в 1932 г. вместе с проф. **Пикаром,** использовал сейчас для своего нового полета часть прежнего стратостата Пикара, в частности его оболочку. Однако алюминиевая гондола была сделана заново.

Стратостат Козинса построен **по тому же типу, как и все последние стратостаты: он состоит из герметически закупоренной сферической кабины, прикрепленной к очень легкой и большой оболочке, наполненной чистым водородом.**

Вся оболочка стратостата весит 735 кило, об'ем ее—14 тыс. куб. метров. Однако наполняется она всего на четвертую часть своей вместимости.

Перед под'емом стратостат Козинса был наполнен 3.500 куб. метров водорода. Дело в том, что по мере под'ема стратостата и уменьшения атмосферного давления газ расширяется и об'ем стратостата приблизительно через каждые 5.000 метров увеличивается вдвое.

Приготовления к под'ему стратостата проф. Козинса.

На высоте примерно 16 тыс. метров стратостат меняет приобретенную при под'еме грушевидную форму и превращается в правильный шар, излишек же газа начинает выходить через специальное приспособление, устроенное в нижней части оболочки.

Начиная с этого момента, под'ем прекращается. Стратостат останавливается в воздухе, и стратонавты, если хотят продолжать под'ем, должны сбрасывать балласт. Хотя Козинс, стратостат которого приспособлен к под'ему не свыше 16—17 тыс. метров, и не рассчитывал подниматься выше, тем не менее он взял в качестве балласта 250 кило воды и 1.000 кило песку.

Поскольку Козинс имел целью не ставить рекорд высоты, а произвести максимально продолжительные научные наблюдения космических лучей и атмосферных явлений на разной высоте, он снабдил свой стратостат *новым приспособлением,* которого не имели прежние стратостаты. Это *приспособление, состоящее из парусиновых* труб длиною в 40 метров, находящихся внутри оболочки шара, и управляемое из гондолы, давало возможность стратонавтам регулировать утечку газа и останавливать шар на различной высоте во время под'ема.

Гондола стратостата имеет диаметр в 2,20 метра и толщину в 3,5 мм. По конструкции она несколько отличается от гондолы, в которой поднимался в 1932 г. Пикар. На одной стороне гондолы находится особое металлическое приспособление в 40 см глубины и такого же диаметра, с круглым окошком, откуда делаются наблюдения и производится фотографирование.

Вокруг гондолы с внешней стороны укреплены мешки с балластом, охватывающие ее как бы поясом. Гондола снабжена небольшим парашютом, который в случае вынужденной посадки раскрывается и уменьшает скорость падения, давая возможность стратонавтам выйти через отверстие гондолы и использовать индивидуальные парашюты.

Японская пропаганда за границей.

ТОКИО, 22 августа. (ТАСС). До сего времени в **министерстве иностранных** дел вопросами **пропаганды японской политики за рубежом** ведал **«сектор культурных предприятий».** В настоящее время в целях более **широкой постановки дела пропаганды японской политики за рубежом** решено организовать в составе министерства иностранных дел **«международное культурное бюро».**

В бюджет министерства на 1935—1936 гг. включается специальный бюджет вновь организуемого бюро. По предварительным наметкам бюджет бюро будет составлять **из 4 млн. 480 тысяч иен.**

По плану **министерства иностранных** дел при посольствах и миссиях Японии за границей создаются особые должности гражданских атташе (или «культурных атташе»). Помимо гражданских атташе, при японских посольствах и миссиях будет учрежден институт пресс-атташе, в задачу которых войдет **«раз'яснение» иностранной политики Японии.**

Одновременно с этими нововведениями министерство предполагает организовать в **Париже** и **Нью-Йорке** институты «по изучению Японии». Кроме того, за границей должны быть организованы кафедры по изучению японской культуры. «Гражданские», или «культурные» атташе будут находиться при посольствах в **Лондоне, Нью-Йорке, Варшаве, Берлине** и **Рио-де-Жанейро.**

Газета **«Иомиури»** указывает, что после организации «международного бюро» общество «установления культурной связи с заграницей» будет проводить свою работу *в «неофициальных кругах».*

БОРЬБА МАНЧЖУРСКИХ ПОВСТАНЦЕВ.

БЕЙПИН, 21 августа. (ТАСС). По сообщению японских газет, 16 августа около **Тунбина** появились новые повстанческие отряды.

Газеты сообщают, что 300 повстанцев в районе **Люхэ** напали на автобус с японскими солдатами. **Убито три японских солдата, пять ранено, один взят в плен.**

АВАРИЯ ЯПОНСКОГО САМОЛЕТА.

БЕЙПИН, 21 августа. (ТАСС). По сообщению из Харбина, японский самолет, летевший 17 августа с ранеными японскими солдатами по направлению к Харбину, потерпел аварию под **Биньсяном.**

ДОКЛАД АКАДЕМИКА МЕЩАНИНОВА НА КОНГРЕССЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ В СТАМБУЛЕ.

СТАМБУЛ, 22 августа. (ТАСС). Советский академик тов. **Мещанинов** сделал доклад на пленуме лингвистического конгресса относительно **исторического анализа языка.** Делегаты конгресса горячо аплодировали докладчику.

Турецкая печать помещает содержание доклада тов. Мещанинова под заголовком: **«Советский академик высказал исключительно интересные мысли».** Газеты подчеркивают слова докладчика об историческом значении дела Гази Мустафа Кемаля для реформы турецкого языка и о советско-турецком сотрудничестве.

Иностранная хроника.

✻ **Последний министр иностранных дел бывшей Австро-Венгерской монархии граф Берхтольд** закончил свои **мемуары,** посвященные последним дням Габсбургской монархии. Мемуары будут опубликованы на-днях.

✻ **Забастовка 550 рабочих-табачников в Салониках** (Греция) закончилась **победой рабочих.** Рабочие требовали прекращения массовых увольнений и признания фабкома.

✻ В **Нюрнберге** с 4 по 10 сентября состоится **с'езд национал-социалистской партии Германии.**

✻ В **Бруклине** (США) **шайка бандитов** в 15 чел., вооруженных пулеметами, напала среди бела дня **на бронированный автомобиль,** в котором доставлялись деньги в банк. *Обезоружив охрану, бандиты* похитили свыше 400 тыс. долларов и скрылись на быстроходных моторных лодках, ожидавших их в нью-йоркской гавани.

✻ **Нанкинское правительство обратилось к Японии с просьбой** направить своего **инструктора** во вновь организованную в **Фучжоу** морскую академию. Японское морское министерство назначило на этот пост **капитана Тэраока.**

✻ **В Каунас** (Литва) прибыла из Риги **группа японских офицеров, изучающих Прибалтику.**

✻ **Бывший турецкий консул в Одессе** приговорен турецким судом за контрабанду к одному году тюрьмы и денежному штрафу.

✻ В **Испании** в порту **Картахена** арестовано **28 моряков военного флота.** Арестованные *обвиняются* в **подготовке восстания.**

ПРОВЕРИТЬ ТРАКТОРНЫЙ ПАРК.

Лучшие колхозы Средней Волги и других краев одновременно с уборкой, обмолотом и хлебосдачей начали взмет зяби.

О значении зяблевой вспашки говорить много не приходится. Своевременно поднятая зябь—лучшая гарантия против засухи, залог высокой урожайности. Недаром передовые колхозы стремятся вспахать с осени весь яровой клин, потому что это позволит без особого напряжения провести весенний сев и реально скажется на доходах колхоза и колхозников. **Зябь, поднятая в августе и сентябре, с агротехнической точки зрения наиболее выгодна, она дает наивысшую урожайность.** Вот почему надо стремиться к тому, чтобы уже сейчас, особенно в центральных и восточных районах, одновременно с уборкой была развернута зяблевая вспашка.

Этот вопрос находится в самой тесной связи с использованием и ремонтом тракторного парка. Основная тяжесть работы по вспашке зяби ложится, естественно, на *тракторы. Дело решается* **не только** распределением машин—сколько оставить на уборке и других работах, сколько выделить на пахоту. Важно другое. Все ли сделали машинно-тракторные станции для того, чтобы максимально использовать свои тягловые ресурсы? Ведь в прошлом году, к осени, неожиданно выяснилось, что капитальному ремонту подлежит неимоверно высокий процент тракторов. Не получится ли так, что и в этом году осень явится наиболее напряженным периодом, не будет ли состояние тракторного парка тормозить успешный ход осенних работ, в частности зяблевой вспашки?

Надо сказать, что после весеннего сева внимание к работе тракторного парка силь*но ослабло. Тракторные* бригады МТС, разбросанные по колхозам, не пользуются должным вниманием со стороны директоров и политотделов МТС. Характерен в этом отношении **пример Кражской МТС,** Средней Волги. Тракторы никем не проверяются, участковые механики считают излишним профилактический осмотр машин, широко процветает «раскулачивание».

Поступают сообщения и из других краев о подобных фактах. Во многих МТС даже исправные тракторы бездействуют, понизилась ответственность трактористов за состояние машин. Злостное игнорирование технических правил ухода за тракторами, отсутствие текущего предупредительного ремонта, о значении которого говорил *товарищ Сталин на XVII с'езде партии,* плохое руководство тракторными бригадами—вот причины простоя тракторов, резкого увеличения числа «кандидатов» на капитальный ремонт. Проверка состояния *тракторного парка, произведенная на Средней Волге,* это целиком подтверждает. В Узюковской МТС из 66 тракторов—исправных только 32, в Нижнесанчилеевской из 79 тракторов—35 неисправных, в Хворостянской и Под'ем-Михайловской МТС больше половины тракторов требует ремонта.

Ссылки руководителей машинно-тракторных станций на то, что отсутствуют запасные части и баббит, заслуживают, бесспорно, внимания снабжающих организаций, но дело, конечно, не в запасных частях и не в баббите. Самое главное заключается в том, что тракторному парку не уделяется того внимания, которое уделялось весной, а многие руководители МТС махнули рукой на эту *работу* —«*лишь бы как-нибудь дотянуть!*» Хищническое отношение к трактору, грубейшее нарушение правил технического ухода и требований профилактического ремонта не встречают решительного отпора со стороны многих и многих политотделов МТС. Инженеры-механизаторы, механики все реже и реже посещают поля, не так внимательно следят за работой каждого трактора.

Вот, например, о чем сообщает редактор политотдельской газеты Кочетовской МТС, Саратовского края, тов. Некрасов в своем письме в «Правду».

«Тракторный парк МТС,—пишет т. Некрасов, — полностью не используется на уборке, потому что из 46 тракторов, которыми располагает МТС, около 20 машин уже больше месяца простаивают из-за неисправности. Тракторы стоят исключительно из-за разгильдяйства, хаоса, которые парят в техническом и хозяйственном руководстве МТС. Старший механик Лосев до *сих пор не составил паспорты на тракторы,* и сейчас в МТС никто не знает подлинного состояния тракторного парка. Предупредительный, текущий ремонт, как правило, отсутствует».

Таких фактов немало.

Надо предупредить всех директоров МТС и совхозов, начальников политотделов об исключительной ответственности за правильную эксплуатацию тракторного парка, принять все меры к тому, чтобы максимально использовать все тягловые ресурсы. **Надо напомнить и ремонтному управлению Наркомзема СССР о том, что его деятельность не ограничивается рамками зимнего ремонта.**

Осенние работы должны быть проведены *организованно* и хорошо. Одним из важнейших условий успешного завершения сельскохозяйственного года должна явиться бесперебойная работа тракторного парка.

Губят прекрасный урожай.

АЛМА-АТА, 23 августа. **(Корр. «Правды»).** В **Алмаатинской области** потери урожая считают явлением неминуемым. С ними не борются—их регистрируют. В **Энбекши-Казахской** МТС подсчитали, например, что колхозы потеряют в среднем 1—3 центнера хлеба на 1 гектар.

Вряд ли товарищи из Энбекши-Казахской МТС преувеличивают. Скорее наоборот. Потери достигают чудовищных размеров. Идет уже третья декада уборки, а некоторые колхозы этой *МТС косят больше* месяца. Скошено только три тысячи из 20,5 тысяч гектаров. Пшеница перезрела и осыпается.

Скошенные поля покрыты разметанными нескопненными валками хлеба. Колоски не подгребены. Всюду «гривы» нескошенных колосьев. В колхозах решили сперва связать валки, затем пустить конные грабли и лишь затем жать прокосы и собирать колоски. Но когда это будет? Уже начинают пахать стерню. Через несколько дней начнется сев озимых. А валки все лежат. Местами валки лежат больше полумесяца.

Нормы выработки не выполняются. Лобогрейки скашивают за день 1½—3 гектара. Их чуть ли не ежедневно ломают, особенно на тракторных прицепках, так как не умеют правильно прицеплять.

Еще хуже работают комбайны. Четыре комбайна, убирающие хлеб в колхозах, дают 7 гектаров в день. Вот тока. Молотил*ки работают 2—5 часов, не больше. Мощность молотилок используется только на* 15—18 проц.

Снопов не вяжут. По всей области связано только 25 проц. скошенного. Вяжут только немногочисленными сноповязалками, а также при ручной косьбе. За лобогрейками, как правило, не вяжут. Именно розвязь и задержала беспрерывный поток хлеба от токов до элеваторов.

Большинство колхозников только и знает, что переворачивать намоченные дождем валки. При возке розвязь неплотно заполняет бричку, и получается не воз, а полвоза. Вот почему пароконная бричка свозит в день всего полгектара хлеба вместо 2 гектаров по норме.

Хлеб теряют в прокосах, в колосках. *Хлеб теряют в валках. Он осыпается,* прорастает, гниет под дождем. Дороги усеяны колосьями—никому не приходит в голову застлать брички пологами или кошмами. Хлеб теряют и в так называемых скирдах, которые на самом деле являются плохо сложенными кучами розвязи, которые легко пробьет любой дождь.

Перепадают дожди. Молотьба совсем останавливается на день—два. Никому до сих пор не пришло в голову устроить хотя бы легкие передвижные навесы над токами.

Потери в Алмаатинской области амнистированы. Обесценивается и растрачивается прекрасный и невиданный по своему изобилию урожай.

О. ПОПОВА.

Организовать сортообмен

ХАРЬКОВ, 23 августа. **(Корр. «Правды»).** Осенний сев в **Харьковской** области начался необычайно рано. В севе участвуют 60 районов области из 64. На 21 августа посеяно 133.541 га озимой пшеницы и ржи.

Качество полевых работ во многих колхозах низкое. В колхозе им. ЦК ВКП(б), **Новосанжарского** района, довольствуются тем, что вспахано под озимь 231 гектар. Глубина вспашки не превышает 12 сантиметров. Заборонована только 62 гектара. Остальная земля высохла, и по такой пахоте колхоз собирается сеять озимые.

Заведующий райземотделом тов. **Гвоздевский** и старший агроном тов. **Гребенюк** утверждают, что внутриколхозный сортооб*мен полностью покрывает потребности в* сортовой озимой пшенице. Однако оказалось, что в районе нехватает 1.500 центнеров сортовой пшеницы.

В **Диканьском** районе перед самым севом выяснилось, что выполнено меньше половины плана сортообмена. Заведующий районным земельным отделом **Мазуренко** заявляет, что сортообмен—не его дело.

В **Закомельской** МТС агроном-плановик Павлов утверждал, что в колхозах нет сортовой пшеницы для обмена. Между тем «Червона поляна» и «Червоный сивач» достали в соседних колхозах 40 центнеров семян сортовой пшеницы.

Первым в Белоруссии.

ОРША, 23 августа. Оршанский район (Белоруссия) первым в республике 14 августа выполнил годовой план хлебопоставок по колхозно-крестьянскому сектору. По определению Государственной хлебной инспекции принятое зерно является доброкачественным. Район ведет борьбу за место на всесоюзной красной доске.

РЕДАКЦИЯ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ».

Выполнили годовой план зернопоставок.

От директоров и начальников политотделов МТС получены сообщения о выполнении годового плана хлебосдачи и натуроплаты колхозами следующих МТС: **Деражнянской МТС,** Винницкой области (директор т. **Гресь,** нач. политотдела т. **Левин**); **Батуринской,** Черниговской области (нач. политотдела т. **Солодовников**); **Хойникской,** Белоруссия (нач. политотдела т. **Каменштейн**); **Красноармейской,** Азово-Черноморского края (**директор т. Калабердин,** нач. политотдела т. **Климкин**); **Воронцово-Александровской,** Северного Кавказа (директор т. **Давыдов,** нач. политотдела т. **Леонов**); **Комсомольской,** Курской области (нач. по*литотдела т.* **Детина**) и **Новопавловской,** Морозовского района, Азово-Черноморского края (директор т. **Буков,** нач. политотдела т. **Едов**).

Годовой план хлебосдачи выполнили следующие совхозы: **Томский** свеклосовхоз, Курской области (директор т. **Абросимов,** нач. политотдела т. **Золотов**), зерносовхоз **«Балтийский рабочий»,** Северокавказского края (нач. политотдела т. **Григорьев**), свиносовхоз **им. Косиора,** Днепропетровской области (зам. директора т. **Зозноба,** нач. политотдела т. **Городко**) и **Новотаволжанский** свеклосовхоз, Курской области (директор т. **Григоров,** нач. политотдела т. **Волков**).

Сверх плана полмиллиона пудов зерна

СИМФЕРОПОЛЬ, 23 августа. (Роста). Зерносовхозы Крыма, выполнив задание по хлебосдаче, сдали уже свыше полумиллиона пудов зерна сверх плана и продолжают вывозить хлеб.

Заканчивают выполнение плана хлебопоставок и колхозы. Первыми в Крыму полностью выполнили план зернопоставок колхозы Бахчисарайского района. По натуроплате план к 15 августа выполнен на 30 проц.

ГОРОД ТЕЛЬМАНА НЕ СДАЕТСЯ.

□□□□□

ПИСЬМО ИЗ ГАМБУРГА.

Гамбург—город Эрнста Тельмана—славный пролетарский центр, видавший на своем веку революционные баррикады и бурные классовые бои.

Этим об'ясняется особенное внимание, которое уделили Гамбургу национал-социалистские инсценировщики «плебисцита». Они хотели не только запугать рабочих, но и прощупать настроения гамбургских лавочников и их семипудовых половин. Расправы 30 июня расширили брешь в мелкобуржуазной базе фашистского режима. Германские лавочники проявляют все меньше желания демонстрировать безвозмездно свой патриотический пыл, а их толстые Марихен уже расценивают на падающие пфенниги свою любовь к дорогому отечеству.

Вот почему национал-социалистские руководители, не имеющие возможности платить по выданным векселям, изо всех сил старались продемонстрировать посредством внешних эффектов праздник «национального единства». Огромные черные знаки фашистской свастики перемешивались с гирляндами цветов. Школы были закрыты. Все учащиеся были мобилизованы для участия в празднике, видимо, с тем расчетом, что слабые детские голоса все же поддержат патриотическое «ура» в честь прибывавшего в Гамбург «вождя». Многочисленные плакаты выпячивают на всех перекрестках гигантское «Да!»

«Одно государство—один вождь — одно да»,—этот краткий, отпечатанный ярко-красным лозунг кричит с огромных полотнищ, развешанных поперек улиц. «Слушайте,—взывает другой транспарант, — вождь проделал полтора миллиона километров по воздуху, по железной дороге и на машине, спасая германскую нацию, тебе же надо пройти до ближайшего избирательного участка только 100 метров, чтобы выполнить свой гражданский долг и сказать: да!»

Нельзя не отметить усердной работы национал-социалистского отдела пропаганды. На каждом доме—свастика, транспарант, воззвание, *лозунг. У каждого дома—дружинники охранных отрядов, полицейские;* они заполняют улицы.

Рабочим кварталам уделено особое внимание. Они наводнены штурмовиками. Коричневые рубахи—всюду: в пивных, в подворотнях. Они слушают, не проговорится ли кто-нибудь; за стойкой в пивных они заигрывают с пролетарием, угощают его...

В день «национального праздника» террор особенно свирепствовал в Гамбурге. Откровенным запугиванием звучала агитация, проводившаяся специальными отрядами штурмовиков в рабочих кварталах. Картина «коричневых рубашек», гулко шагавших по ночным улицам города с горящими факелами, воскрешала средневековье.

Внезапно отряд ночных агитаторов останавливается у рабочего дома. Начальник под мерную дробь барабана выходит вперед и начинает агитировать, вернее,—кричать. Не призыв, а форменный окрик, военный приказ повиноваться! Прохожие шарахаются в сторону от резких командных выкриков, приглашающих германский народ выполнить свой долг перед отечеством. *Женщины спешат закрыть ставни,* детишки пугливо озираются по сторонам.

«Праздник» начался с раннего утра. Все движение в городе было приостановлено. На несколько миль шпалерами растянулись черные и коричневые рубашки. «Вождь», стоя на машине, проехал с аэродрома по всему городу.

«Энтузиазм масс» изображала густая толпа лавочников, торговцев, ростовщиков, чья эмблема — золотая цепь на толстом животе, мещанок, истерически выкрикивавших имя вождя, проституток, наемных бандитов и купцов, еще раз вверявших свою судьбу в руки национал-социалистов. Эта толпа двинулась, побежала, оглушенная сиренами пароходов и несмолкаемым звоном бесчисленных колоколов — старогерманских колоколов, которые, по идее фашистов, должны окончательно забить всякую мысль, протест, движение в трудящихся массах Германии.

Разительный контраст: озверелый, отчаявшийся мелкий буржуа проталкивает *локтями себе путь, а у стен домов молчаливо* сторонится рабочий. Гамбургский докер, матрос, рабочий не участвуют в фашистском празднике. Эти люди знали другие дни,—дни, когда они слушали своего подлинного вождя — Тельмана.

Из-под ширмы единого национального фронта, о котором кричат национал-социалистские руководители, так и прет жестокая классовая борьба, все сильнее развертывающаяся в сегодняшней фашистской Германии.

АННИ АРНОЛЬД.

Гамбург, 18 августа.

С'ЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ—В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ.

Искра, движущая мысли и чувства.

ЛЕНИНГРАД, 23 августа. (Корр. «Правды»). Рабочие ленинградских предприятий с большим вниманием следят за работами всесоюзного с'езда писателей. Доклад М. Горького читают и обсуждают в цехах, бригадах и группах «Красного путиловца», «Электросилы», завода им. Сталина, фабрики «Скороход». С единодушным восхищением рабочие отзываются о глубоком и разностороннем докладе великого писателя.

Интересный опыт собирания отзывов рабочих о выдающихся произведениях советской литературы из номера в номер проводит заводская газета «Электросила». Мастер 37-го отделения Блинков пишет:

«Люблю Горького за глубину мысли. Маленькая фраза, а мысль огромная».

Парторг заводского совхоза литкружковец Кручинов дает такой отзыв:

«Когда я читаю Горького, я вижу все, что он показывает. Его произведения учат меня не только писать, но и жить».

Яркую и образную оценку дает литкружковец Эмануэль Гуревич:

«Для того, чтобы привести в движение мотор автомобиля, поворачивают ручку магнето. Магнето дает вспышку, взрываются газы, и мотор начинает работать. Такой искрой, приводящей в движение мысли и чувства, является для меня каждая строка, написанная писателем-учителем Алексеем Максимовичем Горьким».

25 августа ленинградское отделение Профиздата созывает общегородское собрание заводских литкружков, посвященное проработке доклада Горького.

ТВОРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА ЗАВОДСКИХ ЛИТКРУЖКОВ.

КИЕВ, 23 августа. (Корр. «Правды»). Центральные, местные и заводские газеты больших предприятий уделяют много внимания отчетам всесоюзного с'езда писателей. Подготовка к с'езду, как и самый с'езд, вызвали творческую инициативу в заводских литературных кружках и среди рабкоров. В Киевской области количество литературных страничек в газетах за последнее время возросло до 50, большинство из них выпускают заводские литературные кружки.

На киевском Краснознаменном заводе работает литературный кружок в 35 человек. Выходит литературная газета. В связи со с'ездом писателей проведен ряд творческих вечеров, конкурс библиотек. Сейчас на заводе выпускается специальная газета, посвященная с'езду.

На «Ленинской кузнице» литературный кружок за 2 года своего существования выдвинул на литературную работу ряд очеркистов, фельетонистов и начинающих писателей, которые имеют уже свои печатные труды. Рабочий Моисеев известен своим произведением «Ветеран горнов». Разметчик тов. Майсон, ныне редактор заводской газеты, заканчивает роман из жизни комсомола завода «Эффект».

На заводе «Большевик» молодые литературные силы были распылены. Сейчас, в связи со с'ездом, на заводе организован литературный кружок. Среди литературного молодняка уже выделяется ряд прозаиков и поэтов: модельщик Сидоренко, крановая Перчикова, токарь Абрамский, рабочие Фабиш, Спасиченко, Артеменко.

„Книга нам нужна, как хлеб“.

СОФИЕВКА, 23 августа. (Корр. «Правды»). В колхозе им. Ворошилова, Софиевского района, впервые на собрании заговорили о литературе и всесоюзном с'езде советских писателей. Хотя вопрос новый, он все же не застал колхозников врасплох. Они внимательно следили за ходом подготовки к с'езду.

Слово взял колхозник Поленежный.

— О чем мы раньше, до революции, думали?—спросил он собравшихся, и тут же сам ответил: «Мы думали о кусочке насущного хлеба, о клочке земли. Мы вечно стояли перед угрозой разорения. Сейчас жизнь стала неузнаваемой. Мы крепко стоим на зажиточном колхозном пути. Сегодняшний день лучше вчерашнего, завтрашний день будет лучше сегодняшнего. Возьмем, к примеру, книжку. Когда бы я мог о ней думать? Я ведь был неграмотным. Да и не до книжки было тогда. А сейчас? Дети все учатся в школе, сын в Красной Армии на командира готовится. Жена моя стала грамотно писать и читать книжки. Мне книга в доме нужна, как хлеб.

Стали высказываться колхозники. Какую книгу сейчас деревня хочет получить от писателя? О женщине, о молодежи, о наших детях. Книгу, которая показывала бы жизнь и борьбу трудящихся в капиталистических странах.

В процессе обсуждения встал вопрос о размере книжки, шрифте, картинке, бумаге, даже об обложке.

— Пусть писатели учтут, — говорили колхозники, — что не всегда нам удобна большая и толстая книга, особенно во время полевых работ, в полевом стане, в бригаде.

Резюмируя прения, начальник политотдела, орденоносец т. Маев сказал:

— Трибуна с'езда писателей расширилась. Вопросы с'езда горячо обсуждаются в наших колхозах.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС.

ГОРЬКИЙ, 23 августа. (Корр. «Правды»). На радиотелефонном заводе им. Ленина почти ежедневно собирается литературный кружок и коллективно прорабатывает доклад А. М. Горького. Интерес к литературе на заводе огромный. Организованы два новых литературных кружка.

Сормовская литературная группа провела в честь с'езда писателей литературный конкурс. От рабочих завода поступило 50 рукописей. Премировано 7 авторов. Первую премию получили рабочие мартеновского цеха тов. Николаев и столяр тов. Сергеев, написавшие очерк о лучших ударниках производства. Заводская газета «Красный сормовик» выпустила специальный номер, посвященный с'езду. В номере напечатаны статьи, рассказы, очерки премированных рабочих-авторов.

Лучшая бригада механического цеха № 1 Уралмашзавода, бригада имени Орджоникидзе, читает доклад А. М. Горького о советской литературе.
Фото В. Темина (передано из Свердловска по бильдаппарату).

«КОДЖУ»—ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ ДИЗЕЛЬМОТОРОВ.

Завтра колонны автодизельного пробега подходят к финишу. Пробег Москва—Тифлис—Москва закончен на 12 дней раньше намеченного срока.

Дизельмоторы, участвовавшие в пробеге, мы разделяем на 4 группы: прямоструйные, предкамерные, дизели с вихревой камерой и дизели низкого сжатия. Лучше всего себя зарекомендовали так называемые прямоструйные, среди которых находится и наш советский «коджу». Они отличаются быстрым и надежным запуском мотора. К этим же прямоструйным дизельмоторам принадлежат германский «ман», английский «бирмор» и др.

Экономичность дизелей очень велика — они в общем потребляли в два раза меньше топлива, чем бензиновые моторы, причем потребляли не бензин, а газойль, который, в свою очередь, в три раза дешевле бензина. Таким образом, содержание дизельмотора обойдется в шесть раз дешевле, чем содержание бензинового мотора.

Первое место по экономичности заняли венгерские дизельмоторы «ганц» и «ланд»; второе место завоевал советский «коджу». По прочности первое место занимают французский «лиллуаз» и английский «бирмор». Эти машины не получили за весь пробег ни одного штрафного очка.

По пусковым качествам лучше всех оказался советский мотор «коджу»: он запускается в среднем в течение 5—11 секунд. Второе место принадлежит германскому дизельмотору «ман» (6—11 сек.), третье — французскому дизельмотору «лиллуаз» (7—11 сек.) и четвертое — английскому дизельмотору «перкинс» (7—15 сек.). Время запуска некоторых других дизельмоторов достигает 50 сек.!

После пробега начнутся лабораторные испытания всех дизелей. Все машины будут разобраны, затем состоится микрометраж ответственных деталей для определения их изношенности. Материалы будут тщательно изучены, после чего можно дать официальное заключение о том, какому дизельмотору следует отдать преимущество. Но уже сейчас можно сказать, что советский дизельмотор «коджу» оказался одним из лучших.

Главный командор дизельного пробега
С. ПЕРЕПЕЛКИН.

Курск, передано по телеграфу.

ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА ИМ. М. ГОРЬКОГО ГОТОВИТСЯ К ВСТРЕЧЕ С ПИСАТЕЛЯМИ.

26 августа Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького организует встречу делегатов всесоюзного с'езда писателей с лучшими людьми московского пролетариата.

В 5 часов состоится торжественное открытие выставки «Советская художественная литература за 16 лет». Одновременно откроется большой книжный базар, на котором будут последние книжные новинки.

В 7 часов в Зеленом театре выступят с чтением своих произведений Шолохов, Ал. Толстой, Зощенко, Д. Бедный, Архангельский, Асеев, Безыменский, Маршак, Гидаш, Янка Купала и др. Артистами театров МХАТ I, им. Вахтангова и МОСПС будут показаны отрывки из «Егора Булычева», «Чудесного сплава» и «Поднятой целины». Студия им. Айседоры Дункан исполнит в сопровождении оркестра радиоцентра балет на тему «Буревестник» М. Горького. На вечере выступят также самодеятельные кружки Красной Армии и профсоюзов.

А. М. ГОРЬКИЙ НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 16 ЛЕТ».

Вчера утром А. М. Горький вместе с тт. Стецким и Юдиным посетили выставку «Советская литература за 16 лет». Об'яснения давал член выставочного комитета т. А. Эфрос.

Выставка произвела хорошее впечатление. Алексей Максимович особо отметил разносторонность отдела национальных литератур. Интересно развернуты, по его мнению, и остальные отделы.

К недостаткам выставки А. М. относит то, что отдел работы с молодыми авторами развернут далеко не исчерпывающе. Можно было бы показать работу провинции с молодыми авторами, — А. М. тут же назвал ряд интересных книг в этой области, отсутствующих на выставке.

В отделе полиграфии, по мнению А. М., можно было бы показать шире лучшие образцы советского полиграфического искусства.

В группе подлинных иллюстраций к произведениям советских писателей А. М. отметил щит с работами армянского художника Кожояна (с его иллюстрациями, между прочим, к книге на армянском языке «Сказки и легенды» Горького).

По мнению А. М., выставка в целом представляет настолько большой интерес, что целесообразно поставить вопрос о том, чтобы сделать ее постоянной, дополнив и шире развернув некоторые отделы.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ ПЛАНЕРИСТОВ

1 сентября в Коктебеле, на горе Клементьева, открывается десятый всесоюзный слет планеристов. На-днях из Москвы в Коктебель отправлен первый эшелон с планерами новых конструкций. Наиболее интересными из них являются легкий одноместный паритель «Г-13» и одноместный гидропланер «Г-16»—оба конструкции т. Грибовского, легкий паритель «КИМ»—конструктора т. Емельянова и планер «ЛСК-2»—первой женщины-конструктора тов. Кочетковой.

Конструктор т. Шереметьев дает 4 экземпляра своего нового двухместного парителя «Ш-7». Вес этой машины без пассажиров не превышает 110 килограммов.

Богато в этом году будут представлены бесхвостые планеры оригинальных конструкций.

В Совете Труда и Обороны.

Совет Труда и Обороны поставил на вид председателю СНК Карельской АССР тов. Гюллингу невыполнение постановления СТО от 3 и 5 августа «О мерах по своевременному завершению сплава леса» в части обеспечения лесосплава рабочей силой и обязал СНК Карелии немедленно принять все необходимые меры по выполнению решений правительства по сплаву. (ТАСС).

ПЕРВЫЕ ИТОГИ СОРЕВНОВАНИЯ СТАНЦИЙ.

Лучшая станция — Волноваха.

Центральное жюри всесоюзного соревнования железнодорожных станций подвело первые итоги соревнования.

Ряд станций добился значительных успехов в выполнении плана погрузки и улучшении производственных измерителей. Но все же ни одна из представленных дорожными жюри станций по своим производственным показателям, трудовой дисциплине, массово-политической работе и культурно-бытовому обслуживанию рабочих не заслуживает первой премии. Поэтому первая премия никому не присуждена.

Вторую премию получила станция Волноваха Екатерининской дороги.

Третьи премии присуждены станциям: Ховрино Октябрьской дороги; Грозный Северокавказской дороги и Черемхово Восточносибирской дороги.

Четвертые премии получили: Тула Курской дороги; Кочетовка Казанской дороги; Москва-пассажирская Северной дороги и Батум Закавказской.

Некоторые станции имеют все данные выдвинуться в число кандидатов на премирование. К таким станциям центральное жюри причислило станции: Семейкино Донецкой дороги; Златоуст Южно-Уральской, Сталинград Юго-Восточной, Горловка Донецкой.

За активное участие в организации соревнования станций, популяризацию и освещение новых методов работы, активизацию рабкоровского движения премированы газеты: «Большевистская путевка» Закавказской дороги, «Прапор залізничника» Попаснянского отделения, «Рельсы гудят» Орловского отделения, «На рельсах» Ленинградского отделения, «Сталинский ударник» — ежедневная стенгазета станции Ховрино, «На стрелке» — ежедневка Тулы, «Щелчок» — ежедневка станции Бескудниково, «Сигналы ударника» — ежедневка Кочетовки.

Центральное жюри обратило внимание всех начальников дорог, политотделов и профсоюзных организаций на то, что в дальнейшем необходимо развить внутристанционное соревнование и ударничество. Особое внимание должно быть обращено на тщательную подготовку станций к осенне-зимним перевозкам.

Дорожным жюри предложено в декадный срок представить нужные материалы для индивидуального премирования лучших бригад и ударников премированных станций.

ВИНОВНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ — К СУДЕБНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ!

Постановление ЦК ВКП(б) «О Пензенской организации», как известно, вскрыло крупные злоупотребления со стороны ряда работников г. Пензы.

Судебные органы привлекают к ответственности лиц, виновных в нарушении государственной дисциплины, растратах, бесконтрольном расходовании средств хозяйственных и кооперативных организаций, а также лиц, виновных в нарушении революционной законности, допускавших перегибы в отношении колхозников и единоличников.

Среди привлеченных к судебной ответственности—б. председатель горрайкоопа Дмитриев, б. директор бисквитной ф-ки Капустин, председатели сельсоветов и колхозов Фирсов, Шмаров, Гришин и др. (ТАСС).

Приезд Эрнста Толлера.

ЛЕНИНГРАД, 23 августа. (Корр. «Правды»). Сегодня на советском теплоходе «Алексей Рыков» в Ленинград приехал из Лондона известный германский революционный писатель Эрнст Толлер. В беседе с корреспондентом «Правды» Толлер сообщил:

— Сегодня я выезжаю в Москву для участия во всесоюзном с'езде советских писателей. Я очень сожалею, что не поспел к началу с'езда. С большим вниманием и интересом познакомился я с речью Максима Горького на с'езде писателей и с развернувшимися после его доклада прениями.

О назначении тов. УХАНОВА К. В. наркомом местной промышленности РСФСР.

Постановление президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

Назначить тов. Уханова Константина Васильевича наркомом местной промышленности РСФСР.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
М. КАЛИНИН.

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
А. КИСЕЛЕВ.

Москва, Кремль. 23 августа, 1934 года.

ХРОНИКА.

ЦИК СССР утвердил т. М. И. Хлоплянкина первым заместителем и т. З. С. Белотина вторым заместителем народного комиссара внутренней торговли СССР.

ЦИК СССР утвердил т. М. Н. Беленького первым заместителем и т. М. Ф. Левитина вторым заместителем народного комиссара пищевой промышленности СССР.

Новые постановки МХАТ I.

1 сентября в Московском художественном театре им. Горького открывается зимний сезон. На большой сцене идет «Женитьба Фигаро», в филиале — «Чудесный сплав».

Первой новой постановкой явится «Гроза» Островского. Пьесу под общим художественным руководством В. И. Немировича-Данченко ставит режиссер Суданов. Декорации написаны художником И. Рабиновичем. В главных ролях заняты: Еланская, Шевченко, Добронравов, Андровская, Ливанов и Яров.

Для филиала готовится новая пьеса Н. Венкстерн—«Пиквикский клуб» (по роману Диккенса). Пьесу ставит режиссер Станицын, художник — Вильямс, музыка — Сизова.

В работе находятся: «Враги»—М. Горького и «Мольер» — Булгакова. Кроме того, к постановке приняты: «Любовь Яровая» — К. Тренева, новая пьеса Афиногенова из жизни бывших правонарушителей, пьеса немецкого драматурга Леонардо Франко — «Трое» и французского драматурга Анри Джансон — «Честное слово».

В репертуар намечено включить также инсценировку Н. Д. Волкова — «Анна Каренина» и новую пьесу, которую по заказу театра пишет Бабель.

ПЕСНИ И ПЛАКАТЫ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ЮНОШЕСКОМУ ДНЮ.

Государственное музыкальное издательство выпустило к XX Международному юношескому дню новые песни советских композиторов. Изданы две песни о Метрострое, написанные композиторами Дунаевским и Сабо, текст — А. Безыменского. Вышли из печати: «Песня ударниц-колхозниц»—композитора Иорданского, «Песня о Тельмане» — Сабо, две песни о партизане — Коваля и второе издание песни композитора Волкова — «Комсомол».

В ближайшее время будет сдан в печать сборник комсомольских военно-походных песен, премированных на всесоюзном конкурсе.

Кроме того, издательство выпустило песни, посвященные челюскинской эпопее: три песни о челюскинцах (композиторы Коваль, Кручинин и Шишов), песню Мясковского «Советским пилотам» и походный марш «Челюскин»—Кручинина.

СЕГОДНЯ—ФИНИШ ВЕЛОПРОБЕГА ОТПОР—МОСКВА.

Финиш велопробега ст. Отпор (Манчжурия) —Москва состоится сегодня, в 6 часов вечера, в парке им. Горького. Участники пробега, покрывшие за 60 дней 7.500 километров пути, прибудут в парк в сопровождении колонны московских велосипедистов и мотоциклистов.

Выплавка металла за 21 августа (в тоннах).

	Чугун.	Сталь.
План.	31.000	28.500
Выплавлено.	30.304	28.504
% выполнения	97,8	100,0

Готовый прокат за 21 августа (в тоннах).

План.	Прокатано.	% плана.
20.000	18.810	94,1

Добыча угля по Союзу за 20 августа (в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
271.361	250.996	92,5

Добыча угля в Донбассе за 21 августа (в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
173.000	163.981	94,8

Добыча и сушка торфа на 20 августа (в тыс. тонн).

Добыто с начала сезона.	Высушено с начала сезона.	% от добытого торфа.
10.855,2	6.693,9	61,5

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ 21 АВГУСТА.

ДОРОГИ.	Погружено. Вагонов.	Погружено. % выполнения плана.	Выполнение норм обмена вагон. в %: Принято с соседних дорог.	Выполнение норм обмена вагон. в %: Сдано соседним дорогам.	% обеспечения вагонами.
Южная (нач. т. Зорин)	1.413	104	93	96	94
М.-Бел.-Балт. (нач. т. Русанов)	1.460	99	110	112	125
Западная (нач. т. Жуков)	1.856	89	108	109	114
Екатерининская (нач. т. Бмлин)	7.179	100	93	100	102
Ряз.-Уральская (нач. т. Кавтарадзе)	1.642	109	96	87	104
Донецкая (нач. т. Левченко)	7.265	87	90	94	89
Мурманская (нач. т. Ледник)	1.668	111	84	78	93
Северная (нач. т. Амосов)	2.703	92	104	83	102
Окружная (нач. т. Петриковский)	289	83	98	98	103
Октябрьская (нач. т. Синев)	2.346	82	106	101	113
Северокавказская (нач. т. Лившиц)	4.000	96	97	87	106
Казанская (нач. т. Кучмин)	2.628	92	89	95	103
Оренбургская (нач. т. Подшивалин)	383	92	93	78	92
Курская (нач. т. Карпенко)	2.667	98	94	87	111
Юго-Западная (нач. т. Друсинс)	3.084	91	92	85	104
Закавказская (нач. т. Розенцвейг)	1.844	104	104	58	108
Юго-Восточная (нач. т. Житков)	2.464	76	84	89	93
Южно-Уральская (нач. т. Князев)	1.482	83	87	94	112
Омская (нач. т. Базулин)	657	91	76	81	99
Томская (нач. т. Дьяков)	2.613	81	71	89	92
Пермская (нач. т. Миронов)	2.210	82	86	72	98
Турксиб (нач. т. Четвергов)	177	71	89	63	81
Среднеазиатская (нач. т. Прокофьев)	1.236	119	86	62	127
Уссурийская (нач. т. Лемберг)	1.185	87	75	90	115
Сам.-Златоустовская (нач. т. Ковылкин)	987	74	82	82	108
Восточносибирская (нач. т. Голышев)	793	98	60	66	107
Забайкальская (нач. т. Осипов)	сведений нет				
Погружено всего *)	56.231	92	—	—	103
Разгружено всего	52.591				

ПОГРУЗКА ВАЖНЕЙШИХ ГРУЗОВ.

Уголь	205.111	тонн	90	проц. плана
Кокс	17.715	»	106	» »
Руда	64.716	»	100	» »
Флюсы	20.176	»	105	» »
Соль	14.927	»	104	» »
Металл	2.420	вагонов	106	» »
Хлеб	6.304	»	89	» »
Лес	4.667	»	83	» »
Нефтепродукты	5.713	»	107	» »

*) Без Забайкальской дороги.

НОВОЕ АБРАМЦЕВО.

Зар. худ. ПАРАМОНОВА.

Аксаков, купив подмосковную усадьбу Абрамцево, пришел в восторг и выразил его в следующих словах:

Вот, наконец, за все терпенье
Судьба вознаградила нас:
Мы, наконец, нашли именье
По вкусу нашему как раз.

А вкус у старика был. Именьице Абрамцево —одно из прекраснейших мест подмосковья. Тишина вековой дубовой рощи, живописная долина речушки Воря, красивые холмы и овраги, — все это в сочетании с отдаленностью от шумной Москвы (60 км) создает благодатную обстановку для творческой работы.

Сам Аксаков написал здесь наиболее заметные свои произведения («Семейная хроника», «Заметки об уженьи рыбы» и др.). Работали здесь и многие другие писатели-современники. Бывал тут и Гоголь, который однажды в кругу литераторов прочел только что написанную главу из «Мертвых душ».

Совсем другим стало Абрамцево после 1870 года, когда оно перешло к известному меценату Мамонтову. В Абрамцеве создался кружок выдающихся мастеров живописи. Здесь работали такие художники, как Васнецов, Поленов, Суриков, Нестеров, Серов, Репин, Врубель. Исключительная живописность здешних мест служила натурой для художников. В васнецовской «Аленушке», в его картинах на былинно-сказочные мотивы и в некоторых картинах Нестерова мы узнаем зеленый абрамцевский ландшафт.

После революции Абрамцево превращается в музей. Огромная сокровищница картин, гравюр, эскизов, скульптур, майолики, художественных керамических изделий, созданных в Абрамцеве выдающимися мастерами, любовно собрана в стенах древнего аксаковского домика, тщательно реставрированного.

Дом-музей Аксакова.

Но странно: долгие годы замечательный Абрамцевский музей был позабыт. Он считался, почему-то музеем местного, районного значения. Лишь в 1932 г. Наркомпрос вспомнил об Абрамцеве и «выкупил» его у загорского оно за 3.000 рублей. С тех пор Абрамцево зажило новой полнокровной жизнью. Возродилось Абрамцево как место художественного творчества. Историческая аксаковская усадьба перешла к мастерам советского искусства и литературы. Великолепные абрамцевские аллеи, рощи, холмы служат сейчас не единицам избранных, а многочисленному отряду советских мастеров всех родов оружия—писателям, художникам, актерам, музыкантам, режиссерам, кинематографистам.

В Абрамцеве создана здравница на 80 человек. Санаторный режим, врачебное наблюдение, утренняя гимнастика, прогулки за грибами, уженье рыбы — словом, все, как в доме отдыха. Но отдых здесь соединен с глубокой творческой работой. Здесь все работают с полным напряжением сил и способностей. Каждый по своему призванию.

За два года в Абрамцеве перебывало большинство московских писателей, артистов, художников. И каждый из них «вывез» отсюда что-либо, созданное под вдохновенной сенью великолепной здешней природы. Вот «послужной список» Абрамцева самого последнего времени. Ромашев заканчивал здесь своих «Бойцов». Роом отрабатывал сценарий «Пышки». Эйзенштейн написал многие страницы своей книги о кино.

В художественной мастерской Абрамцева работали и работают сейчас многочисленные художники. Заслуженный деятель искусства Павлов гравирует портреты товарищей Сталина, Кагановича, Калинина и Шмидта. Молодые художники Гершаник, Михайлов, Мирецкий и Меркулов работают над фресками для Дома правительства.

Народные артисты Массалитинова и Яковлев, заслуженный артист Топорков, кинорежиссер Пудовкин, пианист Аптекарев, художники Рахимов, Кацман, Парамонов, Кравченко и многие другие художники, артисты, композиторы, музыканты, режиссеры, сценаристы отдыхают и работают сейчас, в эти дни, в Абрамцеве. Скоро их сменит другая группа, потом третья, четвертая... Новое Абрамцево — здравница и мастерская — живет яркой созидательной жизнью.

И. ДУБРОВСКИЙ.

ОТОВСЮДУ.

(От корреспондентов «Правды», ТАСС и Роста).

Дизельные машины, совершающие пробег Москва—Тифлис—Москва, вчера вечером прибыли в Тулу, где участникам пробега была оказана торжественная встреча.

Турецкие спортсмены приехали в Харьков. Матч Турция — Харьков состоится 25 августа.

Рост физкультурных кружков отмечается повсюду в Туркмении. За последнее время организованы 15 физкультурных кружков в Мервском районе.

Первая партия сеянцев какао отправлена Ботаническим институтом Академии наук в Батум для разведения какаовых деревьев.

В Биробиджан для постоянной научной работы выехала из Киева группа молодых аспирантов Института еврейской культуры Всеукраинской академии наук.

Впервые на Сахалине состоялись соревнования физкультурников Александровска и Охи. В футбольном матче первенство завоевала Оха, в шахматном — Александровск.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

26 августа, в 6 час. 30 мин., в помещении театра О-ва старых большевиков, пер. Стопани, 6 (б. Фокин), состоится отчетный доклад делегатки всемирного антивоенного и антифашистского слета женщин тов. Стасовой Е. Д. Присутствие членов о-ва обязательно, приглашается актив МОПР.

28 августа, в 6 час. 30 мин., в помещении театра ВОСБ, пер. Стопани, 6 (бывш. Фокин), состоится вечер, посвященный Международному юношескому дню.
1) Доклад секретаря КИМ тов. Чемоданова. 2) Выступление членов о-ва тт. Лядова, Малышева, Макара и ряда других товарищей. 3) Художественная часть.

Парткабинет МК и МГК ВКП(б) организует 26 августа, в 6 час. вечера, в помещении партиабинета (Ильинка, Старая пл., д. № 8, вход со двора, 2-й этаж) групповую консультацию для пропагандистов, докладчиков и партактива на тему:
«Социалистическая реконструкция и планировка города Москвы».
Консультант — тов. Нерчик.

Уполномоч. Главлита № В—93297
Типография газеты «Правда» имени Сталина.
Издат. № 748.